
ФОМА
16+
православный журнал для сомневающихся • ноябрь 2018
Ведите на свет
Как сделать так, чтобы родители пришли к вере
ePUB

Представляем версию 187-го номера православного журнала "ФОМА" для электронных книг и программ чтения книг в формате ePUB на мобильных устройствах.

Номер издан с сокращениями.

ВНИМАНИЕ!

Полный выпуск этого номера доступен в приложении Журнал "ФОМА" в AppStore и GooglePlay, а также вы можете получить его оформив редакционную подписку на оригинальное бумажное издание.

ИД "ФОМА"

2018 г.

(С)

ОГЛАВЛЕНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Владимир Легойда. Экология души

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

Константин Мацан. «Не верю!» на «Спасе»

ВОПРОС НОМЕРА: Как привести родителей к вере?

Протоиерей Андрей Лоргус. Пусть мама поверит

ВЕРА

Почему на Украине только одна настоящая Церковь?

Тихон Сысоев. Как святые зарабатывали деньги

Патриарх Кирилл. Можно ли обменять деньги на милость Божию?

Александр Ткаченко. Как я впервые соврал

НОВОМУЧЕНИКИ

Архимандрит Дамаскин (Орловский). Священномученик Василий Архангельский

ЛЮДИ

Татьяна Подосинникова. Что сделала моя бабушка, когда ее обокрали

КУЛЬТУРА

Алексей Козырев. Бердяев: жизнь в поиске Богообщения

Наталья Харпалева. Тайны Заволочья

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА



Экология души

Представьте себе такую картину: вы возвращаетесь и домой и видите, что дома потоп. Воды по колено, все плавает… А все потому, что вы, когда уходили, забыли кран в ванной закрыть. Бывает, правда? Что надо делать в первую очередь? Конечно, побежать и закрыть кран, а потом уже устранять последствия потопа — вытирать пол, бежать извиняться перед соседями, подсчитывать убытки и затраты на неизбежный ремонт.

В общем, пример понятный. Чтобы решить какую-то проблему, надо сначала устранить ее причину. А потом уже разбираться с последствиями. Об экологии мы сегодня говорим много. И правильно говорим, и правильно делаем, что говорим. Человек наконец осознал, что к природе надо относиться бережно. Иначе будет совсем плохо.

Но вот с чего начинать? С раздельного собирания в мусорных баках стеклянных и пластиковых бутылок? Или с изготовления биологически разлагаемых пакетов? Или с охраны уссурийских тигров? А может быть, все это одновременно делать? Церковь говорит, что надо начинать с экологии души. От того, что внутри нас — не в смысле внутренних органов, конечно, — зависит и то, каким будет мир вокруг.



Человек — царь природы. Или, как говорил тургеневский Базаров: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник». Природа, может быть, и не храм. Но уж точно и не только мастерская, где можно проводить любые эксперименты. А ведь проводили. Еще недавно и еще какие: и земли под водохранилища затапливали, и наземные ядерные испытания проводили… Природа до сих пор не залечила многие раны, полученные в результате этих экспериментов.

Библия говорит нам, что окружающий мир является домом, который Бог создал для человека. Все-таки домом, а не только мастерской. Возможно, со мной не все согласятся, но я думаю, что преодоление экологического кризиса в условиях кризиса духовного немыслимо. Это, конечно, не значит, что нужно свернуть экологическую деятельность или вообще ее не начинать, пока все не станут святыми. Но это значит, что сначала все-таки надо закрыть кран, а потом уже разбираться с последствиями потопа.

Святой Максим Исповедник сказал, что человек может превратить в рай всю землю только тогда, когда он будет носить рай в себе самом. Замечательно, правда? Носить рай в себе самом.

Это именно о том самом — об экологии души.

Владимир Легойда

Видеоверсию этой колонки смотрите на телеканале «Царьград» (tsargrad.ru)

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА



Ведущий самой парадоксальной передачи —
о своей вере
и благодарности неверующим

На телеканале «Спас» уже год идет программа с названием «Не верю!», где в одной студии встречаются церковные люди и люди, называющие себя атеистами. Ведущий передачи — журналист Константин Мацан. Зачем нужна такая программа на православном телеканале? Трудно ли ее вести? Что Константин черпает из диалогов с атеистами для себя? И каков его собственный путь к вере? Об этом наш разговор.

«Не верю!» на «Спасе»

СПРАВКА:

КОНСТАНТИН МАЦАН
журналист, автор и ведущий программ на телеканале «Спас» и радио «Вера». Родился в 1986 году в Москве. В 2009 году окончил факультет международной журналистики МГИМО МИД России. С 2006 по 2014 год работал обозревателем в журнале «Фома». Женат, воспитывает двоих детей.

«И вдруг я понял, что этот коммунист показывает пример христианской любви»

— Константин, Вы почти год ведете программу «Не верю. Разговор с атеистом» на телеканале «Спас». Были ли такие высказывания неверующих героев Вашей программы, которые Вас зацепили, над которыми Вы размышляли и после дискуссии?

— Все вопросы, которые задаются в студии — это повод еще раз проверить свою веру на прочность, задать эти же вопросы самому себе и найти свои ответы на них. Да, действительно, был такой случай, когда мысль атеиста заставила меня долго переживать ее внутри себя. В одном из выпусков «Не верю» дискутировали коммунист и священник, и в ходе разговора я вдруг понял, что внутренне более расположен к коммунисту, потому что он вел себя более мирно, тогда как священник рьяно нападал на его идеологию. Коммунист же, сохраняя спокойствие, говорил: «Я и слова плохого о Церкви не сказал». Дескать, я же не большевик 30-х годов, который хочет всех попов уничтожить. В его словах я уловил важный посыл: нам с вами, людям верующим и неверующим, предстоит в одном обществе жить и растить детей. Мы можем устраивать дискуссии, это даже нужно делать, но понимая, что мы все равно друг от друга никуда не денемся.

Нам надо учиться вместе мирно жить, несмотря на всю разницу мировоззрений.

После этой программы я задумался вот о чем: в греческом языке слово любовь выражается пятью разными словами. Есть, к примеру, «филúя» — высшее проявление любви, адресованное Богу. А есть «агапе» — это великодушие, доброе отношение, нежелание зла. В Евангелии в словах Христа про любовь к врагам употребляется именно слово «агапе». То есть, когда мы говорим про любовь к врагам или к мировоззренческому оппоненту, от нас не требуют бросаться к нему на шею, признаваться в любви. Здесь необходимо великодушие, готовность услышать, быть добрым и учтивым.

И неожиданно эту «агапе» явил неверующий коммунист. Это то, что заставило меня задуматься.

— Вам удалось за время существования программы определить для себя какую-то главную мотивацию людей, которые считают себя атеистами?

— У меня начал складываться своеобразный хит-парад вопросов о вере, о Боге, о Церкви, которые возникают у атеистов. Причем эти вопросы вовсе не глупые, они очень наболевшие и искренние.

Колоссально важный для атеистов вопрос — существование зла в мире, которое, по их мнению, невозможно совместить с идеей всеблагого Бога. Неверующему человеку обычно кажется, что апологет веры в дискуссии начнет всеми силами оправдывать зло и страдание, говорить, что воля Божия в том, чтобы через скорби мы смирялись, духовно возрастали и спасались. Потому-то герои нашей программы так удивляются, когда священник вдруг им отвечает: «А я не могу это оправдать, у боли и зла нет оправдания, ведь Бог зло не творил. У меня, как у верующего, все восстает внутри, когда случаются такие катастрофы, как трагедия в Кемерово…». Такого ответа атеисты, как правило, не ожидают.

Атеист же задает вопрос: «Куда смотрит Бог, когда случаются наводнения, цунами, трагедии?» Это вопрос сложнейший, и сам я не могу сказать, что для себя его до конца осмыслил и закрыл. Снова и

снова на нашей программе на него отвечают священники и апологеты и всегда отвечают по-разному, в том числе об этом говорили и протоиерей Максим Козлов с Владимиром Познером. Священники пытаются объяснить, что такого рода философский вопрос можно обсуждать в дискуссиях, но в момент, когда случаются подобные трагедии и человека постигает невероятная боль, его редко волнует, «как же совместить это с идеей благости Бога?». Нет, человек спрашивает: «Как мне жить с этим дальше?» Если после смерти нет жизни, то — всё, абсолютное отчаяние. Но если есть надежда и вера в то, что моего близкого после смерти встретит и утешит Христос, тогда этому отчаянию хотя бы что-то можно противопоставить. Не сразу, конечно, не в момент трагедии, но хотя бы спустя какое-то время… Выходит, что у верующего и неверующего разная логика: атеист спрашивает: «Как вы можете верить в Бога, если происходит зло?», а священник эту логику переворачивает: «Если происходит зло, то как я могу не верить в Бога?»

Второй важный вопрос, который задает себе неверующий: «Я хороший человек, у меня есть совесть. Зачем мне Бог?» Он размышляет так: я не изменяю жене, не убиваю людей, не ворую; есть десять заповедей — величайших нравственных установок, но Бог-то здесь при чем? И это тоже вопрос, на который не так-то просто ответить. Но священники вновь и вновь напоминают, что десять заповедей пришли к нам из Библии. Апологеты веры акцентируют внимание на том, что нравственность и религия — это не одно и то же. Этика проистекает из религии, но религия не сводится к набору моральных установок. Религия — это в первую очередь опыт общения с Богом. Неверующему трудно это понять: по его мнению, десять заповедей придуманы для того, чтобы людям было удобно жить в обществе, а с «божественной вертикалью» это никак не соотносится.

Третий вопрос относится к Церкви как организации. Многие гости нашей программы говорят: «Я верю в Бога, но вот Церковь, земной институт — зачем она нужна?» И священник напоминает, что Церковь — это Христос, Тело Христово. Это главный стержень, вокруг которого держится все «человеческое» в Церкви. Неверующие, сомневающиеся не видят эту принципиальную «двойственность»

Церкви: сочетание в Ней небесного и земного, Бога и человека. Если мы видим в Ней только «институт», но не видим за этим Христа, значит, мы еще не узнали настоящую Церковь.

Дальше в рамках этой же темы неверующий человек спрашивает: «Почему в Церкви служат на непонятном языке, на церковнославянском? Почему на службах люди стоят и нельзя присесть?» В такой момент мне и самому хочется задать вопрос: вы ведь в церковь не ходите, тогда почему вас это реально беспокоит? Человека церковного в большинстве случаев не «ломает» церковнославянский язык и необходимость постоять на службе, а человек нецерковный при этом, сидя дома, как будто борется за справедливость. Все эти вопросы вполне справедливые, но ответить на них можно только изнутри самой Церкви.

В одной из дискуссий прозвучал такой вопрос: возможна ли вообще религиозная вера без института? То есть возможна ли вера без Церкви. И я понял, что мне, как христианину, вообще не нужна «просто вера», мне нужна именно Церковь — то, что оставил нам Христос. Это не что-то отдельное по отношению к вере, и одного без другого просто не бывает. Если я хочу быть со Христом, я не могу не хотеть быть с Церковью.

— Есть мнение, что нет смысла говорить с атеистом, ведь и так понятно, чем разговор закончится: каждый останется при своем мнении. Лучше оставить этот внешний мир и работать изнутри, с теми людьми, которые уже в Церкви: просвещать, углублять их знания, веру… Как Вы к такой позиции относитесь?

— Наверное, надо различать две разные задачи: просвещение людей, которые уже пришли к вере, и обращение к неверующим. Нам заповедано: *Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их исполнять всё, что Я заповедал вам (Мф 28:19–20).* Сказано же — «все народы»… В комментариях к программе иногда пишут: «Зачем вы мечете бисер перед свиньями?» Во-первых, в данном контексте это невежливо и уж точно — очень далеко от нашего отношения к гостям программы. А во-вторых, жанр публичной беседы с неверующими придуман не нами, это уже давно

существующая традиция: можно вспомнить беседы святых отцов с иноверцами, беседы митрополита Сурожского Антония на Би-би-си с Анатолием Гольдбергом и Марганитой Ласки, книгу Умберто Эко и кардинала Карло Марии Мартини «Диалог о вере и неверии». Поэтому обращение к неверующим именно как публичный диспут — это достойная задача, не имеющая, насколько я могу судить, канонических препятствий. Добавлю, что идею такой программы на «Спасе» выдвигал сам Патриарх.

— Аудитория «Спаса» — это по большей части люди, которые уже в Церкви, уже верят. Что может дать им передача «Не верю»? И что она дает лично Вам?

— Мне дается возможность поставить свое мировоззрение под сомнение и через это возрасти в вере. Ты вынужден адресовать все эти неудобные вопросы себе, испытывая свою веру на прочность, находить каждый раз новые аргументы. Я обогащаюсь этими дискуссиями, этими честными, искренними вопросами, которые задают атеисты. Ведь не в каждой программе апологет или священник оказывается более убедительным, но это не отменяет ценности самой беседы.

Я, как и любой ведущий, работаю с наушником и слышу, что происходит в аппаратной, за режиссерским пультом: иногда за кадром поднимается такой фонтан эмоций! Режиссеры, редакторы начинают возмущаться позицией неверующего: «Да как он может такое говорить!», «Да он не понимает ничего!», а я все это слышу. Сижу и думаю: а вот это правильная реакция для верующего человека. Значит, ты не равнодушен. Значит, вопросы неверующего — «попали», зацепили, что-то разбередили, заставили заново продумать для себя основания своей веры. Пусть даже будет негодование и возмущение или вечные рассуждения «вот если бы позвали меня, уж я бы ответил этому атеисту», главное — пусть не будет теплохладности. Ну а кроме того, нам очень полезно знать, что искренне волнует человека сомневающегося, чтобы понимать, как помочь разрешить его сомнения.

Однажды ко мне в храме подошел один человек и сказал: «Ведь на все вопросы о смысле зла и страданий уже давно даны исчерпывающие

ответы. Почему нельзя как-то взять и собрать аргументы святых отцов воедино и показать это атеисту?» Я переспросил: «Вы всерьез считаете, что это сработает? На протяжении всей истории человечество задается этим вечным вопросом. А мы в рамках часовой передачи возьмем и исчерпывающе на него ответим?» Нет, мы, как христиане, поставлены перед необходимостью каждый раз заново продумывать эти ответы, осмыслять их и пополнять копилку аргументов — в первую очередь для самих себя.

— Я знаю, что Вам приходилось работать не только в православных СМИ, но и в тех медиа, которые ассоциируются с довольно скептическим отношением к Церкви. Вы пытались сами для себя ответить на вопрос, в чем причина подобного отношения у людей, с которыми Вы вместе трудились?

— Чаще всего — в элементарном незнакомстве с Церковью. Это видно по тем аргументам, которые они приводят, очень поверхностным и явно взятым откуда-то из Интернета. Все, что я от слышал от коллег, — это штампы, которые часто напоминают штампы антирелигиозной пропаганды 20-х — 30-х годов: про толстых священников, которые наживаются за счет бедного народа, и прочее, прочее. Это, конечно, не провозглашалось на каждом углу, но я просто видел и знал, что их мысль идет по заранее определенной стезе. И мне искренне жаль, когда умный человек, классный специалист, который знает все, например, про войну в Ираке, который разбирается в биржевых сводках, в экономических процессах, в то же время абсолютно ничего не знает о реальной Церкви, но те два-три стереотипа, о которых он слышал, преподносит как «свою позицию».

— Приходилось ли Вам лично, как верующему человеку, испытывать недопонимание со стороны коллег?

— Была одна забавная ситуация. В информационной службе мы работали в три смены: утреннюю, дневную и вечернюю, и на две смены подряд нас обычно не ставили, иначе получалось бы так, что в десять вечера ты вернулся домой, а через два часа снова должен ехать на работу. Но однажды мой коллега и друг попросил подменить его на

вечерней смене, и я, само собой, согласился. И когда на планерке я объявил, что работаю вечер, а потом сразу утро, то помню, как кто-то из редакторов удивился: «Как так получилось?» — «Петя попросил с ним поменяться, ему надо пойти ко врачу». И тогда у меня спросили: «А что же ты позволил такой нож себе в спину вставить?» Я не нашел ничего лучшего, как сказать: «Мы же должны помогать друг другу»... И в этот момент я увидел в лицах многих коллег какое-то тотальное непонимание моей аргументации. Словно я сказал глупость, в которую почему-то искренне верю. На меня посмотрели так, как будто я — маленький мальчик и еще ничего в этой жизни не понимаю. Сразу оговорюсь: это были хорошие люди, настоящие профессионалы. Но на такие, казалось бы, простейшие вещи мы, как выяснилось, и вправду смотрели по-разному…

— Василий Розанов сказал: «Человек без веры мне не интересен». Вы его мнение не разделяете?

— Напрямую, наверное, нет. Здесь, мне кажется, надо различать две вещи. Любой человек интересен. Христианин призван к каждому отнестись в духе любви, с искренностью и вниманием. Но мне в розановской фразе слышится и другая тема, одна из наиболее частых в беседе с неверующими, — это тема науки и религии. Мы часто встречаем людей с представлениями о том, что естественно-научное мировоззрение, которое, по их убеждениям, исключает веру и реальность духовного мира, — это единственно верное мировоззрение. Наука для них стоит на первом месте как «более эффективный способ познания мира», чем религия, — это реальная цитата из одной книги, где автор ставит цель доказать ложность религиозного мировоззрения как такового. Но для меня, как для верующего, тут нет и не может быть соревнования, кто эффективнее. Религия и наука — два разных пути познания мира, никак не противоречащих друг другу. Наука отвечает на вопрос: как устроен мир, как он произошел, как он действует? А религия — совершенно на другой вопрос: для чего существует мир, для чего я родился, для чего я живу? И розановский тезис я бы понимал так: человек, который решил всё свести только к естественно-научной картине мира и отверг реальность мира духовного, — лишает

себя богатства жизни. Материалист загнал себя в рамки своего материализма и, как писал Честертон, «не вправе добавить к своему безупречному механизму ни крупицы духа или чуда». В этом смысле мир человека без веры, как мне кажется, менее интересный, менее разнообразный и менее свободный, чем у человека верующего.

Недавно я пересмотрел один из фильмов цикла «Декалог» режиссера Кшиштофа Кесьлёвского, и в нем нашел иллюстрацию к вопросу о религии и науке. В фильме повествуется о мальчике и его отце, ученом-скептике. Отец когда-то воспитывался в католической школе, но теперь в Бога не верит, а верит в возможности искусственного интеллекта — компьютера, и уверен, что все в этом мире можно посчитать и рассчитать, что наука может дать человеку ответы на все вопросы. Когда наступила зима и его сын захотел покататься на коньках на замерзшем пруду, ученый решил рассчитать твердость льда. Показания вышли абсолютно точными: лед сможет выдержать массу в три раза больше, чем вес его маленького сынишки. А на следующий день отец узнает, что лед на пруду треснул. Сын в это время должен был быть на уроке английского, но оказалось, учительница заболела и отпустила детей. Тогда сынок сразу побежал на пруд. И утонул. Чудовищная история: я, как отец, смотрел кино и плакал. И ведь речь не о том, что, дескать, никакие точные расчеты не исключают случайностей и вообще никто не застрахован. Нет, в контексте нашего разговора и всего фильма это — страшная иллюстрация того, что наука, оказывается, не даст человеку ответы на все вопросы. Потому что есть в человеческом бытии иные области, где наука — просто ни при чем. В сцене, где онемевший от ужаса отец видит треснувший лед и спасателей, поднимающих из воды чье-то тело, — перед героем со всей мощью развертывается страшный экзистенциальный вопрос, на который нет ответа, если нет религии…



Ярослав Скворцов, Владимир Легойда и студенты МГИМО (Константин Мацан в нижнем ряду) во время поездки в Дивеево и Саров. 2006

«Бог показал мне, что Он есть... и исцелил от похмелья»

— Как Вы сами пришли к вере?

— Мой приход к вере, точнее осознание того, что я верю, произошло неожиданно и моментально. Это случилось на первом курсе МГИМО во время лекции по культурологии: я зашел в аудиторию агностиком, а вышел верующим человеком.

Я был крещен в детстве, но всю юношескую жизнь был равнодушен к религии. Помню мой разговор с одноклассницей где-то в десятом классе: она меня спросила, верю ли я в Бога. Я почему-то очень запомнил свой ответ: «Если я скажу, что верю, то совру. Но, если я скажу, что не верю, тоже совру». Я понимал, что «кто-то» там, наверное, есть, но меня это просто не волновало. Помню, как спорил со своей набожной учительницей. Будучи дерзким отроком, я с пеной у рта доказывал ей со своим подростковым задором, что все относительно, что у каждого своя мораль, что нет единого критерия, дескать, смотрите: для одного война плохо, а для другого хорошо и т. д. Уже потом, анализируя, я понимал, что меня это очень волновало: а есть ли в жизни безусловное основание? И позже, придя к вере, я понял, что безусловное основание есть, и это — Христос.

Когда я пришел на ту лекцию, во мне уже шел этот поиск, но именно в тот момент случился слом. Те слова, что я услышал, перевернули меня, хотя они были очень простыми. Лектор показывал, как человек и животное похожи между собой. У нас одинаковые потребности: в пище, в дружбе, в любви, в игре (то, что у человечества стало искусством), в познании окружающего мира (то, что у человечества стало наукой). Но у человека есть потребность, которой нет у животного, — это религиозная потребность. Тогда я подумал: а ведь правда, моя собака не задумывается, что называется, «о смысле жизни», а я задумываюсь. А это вопросы, связанные с религией. И, видимо, раз я человек, значит — я религиозен.

Следующим трамплином для меня стала цитата А. Ф. Лосева, которую я услышал на той же лекции: «Религия есть всегда то или иное самоутверждение личности в вечности». И я подумал: во-первых,

вечность есть. Во-вторых: хочу ли найти себя в вечности? Конечно хочу! Если за это отвечает религия, значит, она мне нужна и я — человек религиозный. И значит, всё сказанное лектором — сказано про меня. И если все, что сказано про веру и религию, находит во мне правдивый отклик, значит, Бог есть. У меня, повторюсь, и раньше не было однозначного убеждения, что Бога нет, но как Его существование к себе «применить» я не знал, а теперь понял.

Следующий «гвоздь» — это услышанная фраза из апостола Павла: *и уже не я живу, но живет во мне Христос (Гал 2:20)*. И то, что Христос есть мера всех вещей. Религия в широком смысле — это связь с Богом. И дальше нужно было сужать это широкое представление до размера лично твоей жизни. И слова апостола Павла указали на принципиально важную вещь. Бог, религия — это не какое-то нависшее над тобой грозовое облако, под которое нужно себя как-то снизу подстроить. Нет, это то, что может изнутри прорастать конкретно в моей жизни. Это часть именно моего личного бытия. «Живет во мне Христос». Наиболее просто эту мысль выразил Достоевский, сказав, что христианин — это тот, кто в каждой ситуации думает, как бы на моем месте поступил Христос.

Разговор о религии в принципе очень сложен, так как мы говорим о том, что принципиально больше человека, — о Боге. «Бог — это то, больше чего ничего нельзя помыслить», — эта философская формулировка меня чрезвычайно укрепила в вере. На всё в мире можно было теперь посмотреть «в свете Бога» — и увидеть на своем правильном месте. Это и стало тем моим безусловным основанием, которое я искал в детстве.

Преподавателем, с чьей лекции я вышел верующим человеком, был Владимир Романович Легойда, главный редактор журнала «Фома», в котором я спустя немного времени стал работать и проработал много лет вплоть до основания радио «Вера».

— А как Вам удалось перейти от теории к практике веры?

— От момента, когда я понял, что я верующий, и до моего прихода в Церковь прошло много времени. Грешить-то я продолжал по-прежнему: это был первый курс, студенческая жизнь… В какой-то из

дней проснулся с просто дичайшим похмельем. И отправился я на воздух, пройтись. А у нас рядом с домом храм архангела Михаила в Тропарёве. К тому моменту я уже понял, что в Бога верю и надо как раз от теории к практике переходить, ведь я крещеный. Когда-то однажды я причащался в детстве — такая вспышка в памяти есть. Но я ничего не понимал, семья была абсолютно не религиозная. Сейчас уже мама моя воцерковилась и вперед меня ушла по пути духовного развития… Так вот, я решился зайти в храм, постоял там 10 минут — и вышел… исцеленным. Нет похмелья! Его как рукой сняло! Никогда в жизни, само собой, больше такого не повторялось. И не могло повториться. И было бы глупостью сделать из этой истории вывод, будто можно теперь спокойно пить и потом снимать головную боль в храме. Но то чудо стало для меня колоссальным опытом, потому что Бог как бы сказал: «Я есть. Между нами выстраиваются отношения. Если надо, Я могу совершить и такое. Убедился — теперь живи с этим знанием и строй свою жизнь. И следующий шаг навстречу Мне уже, будь добр, сделай сам».

— Вы помните свою первую исповедь?

— Конечно. Именно на своей первой исповеди я получил ответ на вопрос, который волновал меня больше всего: «Вера требует изменения. Как я должен изменить всю свою жизнь?» Священник тогда ответил мне так: «Невозможно прийти в Церковь Иваном-дураком, а выйти Иваном-царевичем. Жизнь в Церкви — это путь». И дал мне такое важное наставление: «Церковь не должна превратиться в сегмент. Работа, учеба, семья — а еще Церковь. Церковь должна стать основой жизни, на которой все строится».

— А Вы помните свою первую осознанную молитву?

— Со мной произошла по-настоящему промыслительная история. Я летел с конференции в самолете, когда к моему спутнику, очень важному для меня человеку, с которым я планировал общаться весь полет, подошел его знакомый и попросил меня поменяться местами, так как хотел с ним поговорить. На руках у меня были только что подаренные мне три книги владыки Сурожского Антония. Если бы я

сидел со своим спутником, я бы, наверное, даже не притронулся к ним, но поскольку сидеть пришлось одному, я начал читать и… Те слова меня до сих пор переворачивают, когда их вспоминаю: «Чтобы молиться, нужно вернуться под свою кожу». Эта мысль потрясла меня. Мы же всегда живем в некой проекции самих себя либо в прошлое, либо в будущее. А нужно — вернуться под свою кожу, в текущий миг, почувствовать каждую секунду, осознать себя здесь и сейчас и в этом предстоянии просто быть перед Богом и обращаться к Нему. Так в кресле самолета я, наверное, впервые в жизни по-настоящему молился.



Интервью с Вячеславом Бутусовым для журнала «Фома». 2011 год. Фото Владимира Ештокина

«Однажды сын прибежал ко мне со словами: «Мальчик на площадке сказал, что Бога нет!»

— Как для Вас соприкасаются опыт веры и опыт семейной жизни, отцовства?

— Есть такая чеканная формулировка: если Бог на первом месте, то все остальное на своем. И лучше этого и не скажешь. Получается, что если есть Бог, то вся жизнь — семья, любовь, учеба, творчество — предстает в Его свете.

У меня в голове складывается такая картина: живет человек 80 лет и вот оказывается на смертном одре. В этот момент абсолютно не важно, кем ты работал, а важно, сколько детей и внуков будут рядом, будут за тебя молиться. Ты понимаешь, что единственное направление, которое достойно усилий, — это семья и нет ничего важнее жены и детей.

Для меня сейчас чрезвычайно остро стоит вопрос распределения сил между работой и семьей. Я не хочу, чтобы, когда, как говорится в одном каноне, настанет час «душе разлучаться с телом», мне пришлось признать: «Не на то я потратил жизнь».



Запись программы Владимира Легойды «Парсуна» на телеканале «Спас». Фото Александра Гаврилова

Если попробовать определить свою идентичность, то сначала будет религиозная составляющая: я — христианин. Затем — отец, муж, сын, сотрудник радио «Вера» и телеканала «Спас» и т. д. И среди этих «социальных» идентичностей главенствующей будет «отец». Евангелие говорит, что на Страшном суде нас спросят, помогли ли мы ближнему. А кто может быть ближе, чем семья? И кто беззащитнее, чем дети? Я верю и надеюсь, что если чем-то и смогу оправдаться, то только этой отцовской ипостасью. И в этом же вынесу себе главное осуждение: я недостаточно времени уделял своим близким. Это касается и жены, и детей, и родителей.

С рождением дочки — второго ребенка — меня поразила одна вещь. У меня существовала определенная логика: был один ребенок, и я уделял ему сто процентов своей любви, а с рождением второго я должен эту любовь поделить ровно пополам. Но ты понимаешь, что так не работает! Любовь не поддается распределению! Твоя задача теперь

каждому ребенку в отдельности отдать те же самые сто процентов любви. И думаешь: как это возможно? А вот так, как в Евангелии с умножением хлебов!

Колоссально важный момент — это совместный поход в Церковь. Мы вместе не только в этой жизни, но и вместе перед Богом. Это дает совершенно другое ощущение единства семьи.

Со старшим сыном мы стараемся вечером молиться. Читаем «Отче наш» и другие молитвы, а потом просто своими словами благодарим Бога за прошедший день, и, бывает, ребенок подхватывает и перечисляет: «За то, что в бассейн сходили и на площадку…». Потом просим прощения, если мы кого-то обидели, не так себя повели… И это происходит совместно: должно быть «мы», а не «давай, Миша, проси прощения». Однажды я был совсем уставший, и вот мы прочитали молитвы, и казалось, что на «свои слова» сил уже нет, и я уже собирался выключать свет и укладываться, как Миша сказал: «Папа, а как же прощение попросить?» Мне было стыдно и одновременно радостно это услышать… Когда мы молимся, я не знаю, о чем думает сын, но я вижу мысль в его глазах. И разрешаю себе надеяться, что для него это не просто повторение слов, но — на его детском уровне — живое, личное обращение к Богу. И вот оно — всего дороже.



С супругой Еленой и детьми Мишей и Серафимой. Фото из семейного архива

Как-то Миша прибежал ко мне и говорит: «Мальчик на площадке сказал, что Бога нет». Я спросил, что Миша ему ответил. Мне кажется, он дал гениальный ответ, так мог ответить только ребенок: «А я видел Его в храме!» Для меня было важно получить такую реакцию. Речь вовсе не о том, чтобы умиляться детской «воцерковленностью». Дело в другом. Я не знаю, что будет с ребенком дальше, будет ли у него период отпадения от Церкви. Я не знаю, какие испытания по жизни ему уготованы. Но один мудрый священник как-то сказал мне: «Если ты, церковный человек, однажды решишь, что Бог тебе больше не нужен, то жить ты все равно продолжишь так, как будто Он для тебя — есть». Если однажды в момент испытаний где-то в глубине Мишиного сердца сработает, пусть даже неосознанно, память этой детской веры, этого детского богообщения, и на этот опыт можно будет опереться, — в этом уже мое громадное утешение.

— Какие моменты у Вас ассоциируются с понятием «семейное счастье»?

— Я очень люблю осень. Раньше для меня всегда прогулка в красивом осеннем лесу с разноцветными листьями была связана с компанией друзей: мы куда-то идем, костер, гитара... А сейчас мне хочется, чтобы не компания, не гитара, не костер, а чтобы в этих разноцветных листьях играли мои дети. И мы — вместе с ними. Вот это момент настоящего счастья.

Беседовала Анастасия Бавинова

ВОПРОС НОМЕРА



Письмо в редакцию

на e-mail: vopros@foma.ru

Я пришел в Церковь в одиночку, 3 года назад. Неофитский пыл, с которым я пытался привести к вере вслед за собой и своих родителей, слава Богу, стал утихать. Я понимаю, что лишь собственным примером, собственным свидетельством о Христе, собственными молитвами я могу что-то изменить. Так я и стараюсь жить. И вот родители уже не первый год воспринимают меня не как «фанатика», который постоянно зачем-то ходит в храм, читает молитвы, общается с духовным отцом. Нет, они видят во мне реальные положительные перемены: их сын-оболтус стал сыном заботящимся, любящим, помогающим, отбросил все дурные привычки и поступки… Даже в разговоре с подругами мама говорит обо мне как о примере для подражания, гордится сыном. Она знает, что эти перемены произошли во мне только благодаря церковной жизни, что без Бога, без причащения Святых Христовых Таин, без помощи духовного отца я не изменился бы и на малую часть. Но даже этот очевидный результат не сподвигает родителей к тому, чтобы хоть немножко приблизиться к вере, измениться самим… Они не атеисты, они верят, что Бог есть, что Он деятельно участвует в жизни их сына… Но в отношении самих себя они отстраняются, они как будто не желают снять с себя непробиваемый, непроницаемый панцирь.

Я искренне не могу понять, почему они видят, что их сын стал лучше, но для них это не доказательство того, какой дорогой надо идти. Почему этого им мало? Почему хотя бы из любви и уважения к сыну не попытаться сделать хоть небольшой шажок навстречу к Богу? Родители — это ведь самое близкое и родное, и мне так хочется дать им то богатство, которое есть у меня, но они закрываются, отстраняются. Мне от этого очень больно. А может быть, мне все-таки нужно в каких-то случаях проявлять инициативу, говорить с родителями о Боге, приглашать их в храм?

Если да, то как делать это так, чтобы только не навредить, не сделать хуже?

Андрей, 28 лет

Пусть мама поверит

Как надо и как не надо говорить с родителями о Боге

Отвечает протоиерей Андрей Лоргус, священник,
психолог, антрополог, ректор Института христианской психологии



Тезис первый:

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ТОМ, ЧТО ВСЕ УВИДЯТ, КАКОЙ Я ВЕРУЮЩИЙ И ХОРОШИЙ, И ТОЖЕ УВЕРУЮТ — ОШИБОЧНОЕ. БЛИЗКИЕ ЗАЧАСТУЮ НАЧИНАЮТ СОПРОТИВЛЯТЬСЯ, КОГДА ИХ ПЫТАЮТСЯ ПРИВЕСТИ ИЛИ ДАЖЕ ПРИНУЖДАЮТ ПОЙТИ В ЦЕРКОВЬ. ОСОБЕННО — КОГДА ЭТО ДЕЛАЕТ РЕБЕНОК

— Отец Андрей, что бы Вы ответили автору письма?

— В этом письме я вижу много искаженных представлений, связанных с неофитством молодого человека. Да, он чувствует, что стал мягче по отношению к родителям — и тем не менее многое еще остается. Он задает вопрос: «Почему им этого мало?» Выходит, он рассчитывал, что его личностные изменения станут для родителей свидетельством того, что надо идти в православие. Это, конечно же, миф. Какими бы святыми мы ни были, мы не можем этим «подкупить» членов нашей семьи. Каждый человек идет своим путем, и в этом его достоинство и наше уважение к нему.

«Почему хотя бы из любви и уважения к сыну не попытаться сделать небольшой шажок навстречу Богу?» — спрашивает автор письма. Но разве любовь и уважение могут быть средством движения к Богу? Конечно, нет. Молодой человек пока не понимает, что духовная вертикаль не совпадает с нашими земными отношениями. И если кто-то начинает свой путь к Богу, то делает это не ради ближнего, а ради себя.

А молодой человек здесь как бы торгуется: «родители — это ведь самое близкое и родное, и мне так хочется дать им то богатство, которое есть у меня». Это типичный признак неофита, его буквально разрывает от переполняющих его чувств, знаний, благодати, и он хочет всех спасти. «Мне это очень больно», — пишет он. И я понимаю, почему: он думает, что если поделится этой благодатью, то все сразу станут счастливыми. Это заблуждение. И молодому человеку еще предстоит пережить этот кризис и понять, что каждый человек — это

любимая Богом личность, идущая своим путем. Подчеркиваю — своим.

Автор письма хочет, чтобы родители, хотя бы из любви и уважения к нему, пришли в храм. А я ответил бы молодому человеку, что, наоборот, любовь и уважение в данной ситуации должен проявлять он.

— На нашу почту регулярно приходят вопросы о том, как привести своих родителей к вере. «Ребенок», задающий этот вопрос, может быть и 18-летним, и 45-летним, может жить с родителями и остро чувствовать религиозный конфликт, а может жить отдельно и на расстоянии переживать, что у него с родителями нет единения в вере. В любом случае, для многих эта тема — очень больная. А в Вашей пастырской и психологической практике она часто возникает?

— Довольно часто. Привести близких в храм вслед за собой пытаются не только дети, но и родители, и мужья, и жены. И это естественно. Потому что семья — это единое целое и, само собой, всем хочется иметь в семье единство традиций, ритуалов, обрядов, правил, бытовой культуры, духовное единство.

Но так же естественно и то, что семья будет сопротивляться, когда кто-то один начнет воцерковляться и пытаться вести за собой других.

Надо понимать, что в каждой семье живет система ценностей, которая как духовное наследие передается потомкам из рода в род. По этому наследию люди себя идентифицируют: мы — семья. И везде эта система ценностей будет очень разная. Например: мы считаем себя православными, но на церковные службы мы не ходим. Или: да, мы готовим куличи на Пасху, но соблюдать пост у нас не принято. И человеку, выросшему в семье, важно ощущать, что он этой семье, а значит, и этой системе ценностей принадлежит.

И вдруг один из членов семьи стал стремительно воцерковляться, горячо верить и пытаться всех обратить к православию. Разумеется, этим он вышибает у семьи почву из-под ног. Своим новым образом жизни он как бы демонстрирует, что все те ценности и традиции, которые вы накопили, — ничто по сравнению с тем богатством,

которое приобрел я в Церкви. Ведь только что пришедший к вере действует, как правило, с неофитским пылом, пытается соблюсти все именно так, как ему предписывают правила, без оглядки на то, что кому-то это может быть неприятно, неудобно, даже обидно — и близкие начинают из-за этого страдать. В наше время уже сложилась такая поговорка: когда в семье появляется один святой, все остальные становятся мучениками.

Особенно неприятно для старших членов семьи, когда переделывать всех пытается ребенок (пусть этому ребенку хоть 18, хоть 30, хоть 40 лет). Поэтому нет ничего удивительного в том, что семья пытается сопротивляться такому давлению. Ведь в семейном кругу мы все равно остаемся свободными личностями. И мы не совпадаем в наших духовных движениях.



При этом надо не забывать, что любовь к нашей семье измеряется нашей лояльностью. Нам ведь важно ощущать принадлежность к своей семье? Конечно! А потому мы должны быть лояльны по отношению ко всем правилам нашей семьи. Потому что, если мы перестаем их соблюдать и начинаем жить какими-то другими нормами,

мы приходим в конфликт с родными. Это болезненно, это неприятно, и иногда это может ввести семью в тяжелый кризис.

Тезис второй:

РЕБЕНОК НЕ МОЖЕТ ВОСПИТЫВАТЬ И ПЕРЕДЕЛЫВАТЬ СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ. ЭТО НЕУВАЖИТЕЛЬНО И, БЕЗУСЛОВНО, НАРУШАЕТ ПЯТУЮ ЗАПОВЕДЬ

— Но мы же говорим не просто о каких-то традициях, а о том, что человек обрел Бога. И для него действительно открылся новый, прекрасный мир. Разве плохо стремиться к тому, чтобы и родители тоже в этот мир заглянули? Да, говорят, что нельзя спасти того, кто не хочет спастись. Но, может быть, задача ребенка, пришедшего к вере, хотя бы попытаться пробудить в родителях это желание?

— В такой постановке вопроса (и я это знаю по собственному опыту) есть неуважение к родителям. Потому что мама или папа воспринимается как объект воспитания… Точно так же говорили коммунисты и комсомольцы, когда пытались сбить с духовного пути своих верующих родителей. У них было такое же рвение переделать, отучить от традиции православной и привить традицию коммунистическую. Сегодня все повторяется, только с точностью до наоборот. Это тот же самый фанатизм, свойственный неофитству.

И мой ответ здесь — как пастыря, как психолога, как человека, который и сам в свое время наступал на эти грабли: не должен ребенок переделывать, воспитывать своих родителей. Это неуважительно, неуместно и, безусловно, нарушает пятую заповедь.

Что совершенно точно ребенок может делать в отношении близких, автор письма уже написал: собственным примером свидетельствовать о Христе и горячо молиться о них Богу. Все остальное — в руках Господа. И конечно, не стоит забывать, что, помимо нашей молитвы за родителей, есть нечто более важное — бесконечная любовь Бога к каждому человеку, в том числе и к тому, кто пока к Нему не стремится.

Родители очень внимательны к своим детям. Они очень заботливо вслушиваются в наши разговоры, они очень многое от нас перенимают.

Просто делают это не так явно, как нам хотелось бы. Поэтому все неофитские порывы, конечно же, надо каким-то образом вводить в разумные рамки.

— Это не так-то просто, и наверняка ошибок в отношениях с родителями не избежать…

— Если нет опытного пастыря, то не избежать. Опытный священник даст хорошие практические советы и поможет сдержать неофитский пыл. Хотя на моих глазах из-за неудержанного, неумеренного неофитства распались многие семьи, даже несмотря на то, что люди окормлялись у опытных духовников. Но по горячности своей не хотели ничего слушать, не хотели уступать. И просто-напросто давили на родных с такой силой, что семья в конце концов рушилась.

Я сам был первым верующим в семье и прошел через все кризисы — и супружеские, и родительские — и предмет нашего разговора знаю не понаслышке. Конечно, совсем скрыть свое неофитство невозможно, и ошибки неизбежно будут. Но духовный отец или наставник (разумеется, если прислушиваться к нему) какую-то часть ошибок сможет предотвратить. У меня такой пастырь был. И он всегда напоминал мне, что семья — важнее и что поступаться семейными ценностями нельзя.

— Семья важнее, чем что?

— Чем обряды, чем пост, чем службы. Да, ты хочешь пойти на всенощную, на литургию, а семья хочет поехать куда-то на выходные — поезжай с семьей. Береги семью, храни семью, заботься о ней, — вот что говорил мне мой духовный отец. И я прекрасно понимал, почему он так говорит. И да, я шел на компромисс.





Должны пройти годы, чтобы семья свыклась и приняла твое отношение к вере. И постепенно уклад семьи будет меняться, и для всех будет естественным то, что каждую субботу и воскресенье ты идешь на службу, что ты соблюдаешь пост и прочее. Все понимают, насколько для тебя это важно, и уважают твой выбор. А ты уважаешь их.

Тезис третий:

ВСЕ ЧЛЕНЫ СЕМЬИ ДОЛЖНЫ ОТНОСИТЬСЯ ДРУГ К ДРУГУ С ПОНИМАНИЕМ: РОДИТЕЛИ — К ТОМУ, ЧТО РЕБЕНОК ХОДИТ В ХРАМ, МОЛИТСЯ ДОМА, ПОСТИТСЯ, ОБЩАЕТСЯ С ДУХОВНИКОМ, А РЕБЕНОК — К ТОМУ, ЧТО РОДИТЕЛЯМ ТЕМА ВЕРЫ НЕ БЛИЗКА. КЛЮЧ К ЭТОМУ ПОНИМАНИЮ — ЛЮБОВЬ И ВЗАИМОУВАЖЕНИЕ

— Когда Вы говорите о давлении на родителей, Вы имеете в виду прямые призывы — пойти в храм, изменить свою жизнь? Или вообще любое упоминание этой темы будет восприниматься как давление, и ребенку лучше обходить ее стороной, не делиться с мамой и папой своими переживаниями, например, о прошедшей службе, о предстоящем Причастии?

— Если в семье нет строжайшего запрета высказываться на тему веры, если в ней с уважением относятся к интересам родных, то, безусловно, делиться своими переживаниями даже нужно! Ведь общение и эмоциональная поддержка — это важнейшие составляющие нашей семейной жизни. Мы приходим вечером домой и рассказываем: вот я сегодня был в церкви, там так здорово пели, там такая красота! Мы делимся чувствами, переживаниями, знаниями — и это один из важнейших каналов нашей связи. Но мы не навязываем свое мнение другим, а именно общаемся, а в общении подразумевается равенство.

Помню, когда я пришел в Церковь, у меня было очень много дискуссий с разными людьми в университете, с друзьями, с родителями. С мамой мы, конечно, никогда не спорили, мы просто общались на эти темы. А вот с отцом были самые настоящие напряженные споры. Мы приводили всю известную нам в силу нашего образования аргументацию, начиная от Адама. И это нормально, если в семье есть открытый диалог.

Семья, в которой есть коммуникация, эмоциональная взаимная поддержка и понимание, — такая семья живая. Но как только в ней

начинается диктат ценностей или чего-то другого, она становится кризисной. И она начинает обороняться.

— На почту «Фомы» пришло письмо от молодой девушки: ее родители достаточно лояльно относятся к тому, что она воцерковлена, но чтение утреннего и вечернего правила, ее молитвы перед едой смущают их, а порой и раздражают. Им кажется, что ходить в храм — хорошо, но посещать все богослужения Страстной седмицы — это перебор, фанатизм. В этой связи как правильно выстраивать отношения? Как, с одной стороны, не смутить родителей, а с другой — не поступиться своими собственными желаниями в отношении духовной жизни?

— Вопрос, который задала эта девушка, — это важно понимать — не про религию, а исключительно про семейные отношения. Про уважение в семье к личности и свободе каждого человека. Поэтому в подобных случаях с духовником, а может быть и с психологом, стоит обсуждать именно кризисные моменты в отношениях с родителями.

Ведь если мы уважаем друг друга, мы признаем, что другой может жить так, как он считает нужным. И если человек живет со своими ценностями, обрядами (повторюсь: и не навязывает их другим), если он молится и постится — что ж тут такого? Семейную любовь это никак не искажает. И иной образ жизни одного из членов семьи никогда не будет проблемой. Но если в семье есть претензия на единство и синхронию во всем — тогда могут возникнуть серьезные недопонимания, обиды, конфликты.

Поэтому мой ответ девушке: то, что вы делаете, в норме не должно отрицательно сказаться на вашей семье. Потому что человек может молиться в своей комнате, молиться перед едой так, как он считает нужным. Да, возможно, родителям это покажется нарочитым, провоцирующим (ведь неофитство всегда очень демонстративное, вызывающее). Но если есть любовь и взаимоуважение, любой родитель это потерпит.

— У многих родителей нередко возникает негативное отношение к духовнику своего ребенка. И как бы ребенок ни старался сгладить ситуацию, родители попросту ревнуют, ведь у него появился новый авторитет, который помогает ему правильно жить. Как не давать родителям повода для ревности?

— Трудно сказать. Это уже искусство жизни в семье. Действительно — искусство. Предписать какие-то рецепты невозможно, их нет, они рождаются из ситуации. Но если отношения основаны на любви и уважении, то всегда можно договориться и найти какой-то компромисс.

Но бывает и так, что, воспользовавшись конфликтом, связанным с наличием духовного отца, с воцерковлением, дети начинают бессознательно сводить счеты с родителями, и тогда их приход к вере просто совпадает с семейным кризисом, у которого другие корни. Поэтому вопрос о духовном отце — тоже не религиозного характера. Если назрел внутрисемейный конфликт, то религия будет лишь поводом к тому, чтобы зацепиться: «Ах, вот я теперь верующий, я им все докажу! Я докажу, что я самостоятельный, что я буду жить не как они, я покажу им, что такое нравственность, потому что их поступки безнравственны». Вот если такой мотив бессознательно существует у молодого человека, то это, конечно же, не имеет никакого отношения ни к христианству, ни к религии.

— Особенность нашего времени в том, что нередко родители приходят в храм вслед за своими детьми. И если так действительно произошло, как ребенку выстраивать дальнейшее общение? Стоит ли предложить свою помощь в каких-то вопросах, поддержать эмоционально? Или пусть родители идут своим путем?

— Мы сейчас говорим с позиции кого? Воспитателя? Но это неуважительная позиция по отношению к родителям. Не надо родителей воспитывать, их надо просто уважать. Мама сходила в храм — и слава Богу! Но сын или дочь не ставят ей оценку, не начинают давить на нее дальше, а просто с уважением относятся к ее решениям, к ее поступкам, к ее образу жизни. Этого достаточно. А как конкретно

поступать — подскажет любовь. Никаких специальных методик не существует, да их и не должно быть.

Тезис четвертый:

ЕСЛИ ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛЮБИТЕ И УВАЖАЕТЕ РОДИТЕЛЕЙ, ВЫ НЕ БУДЕТЕ ПРИНУЖДАТЬ ИХ И ОКАЗЫВАТЬ ВСЯЧЕСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ДАВЛЕНИЕ. ТАМ, ГДЕ УВАЖЕНИЕ, ТАМ НЕТ НАСИЛИЯ И МАНИПУЛЯЦИИ

— А случались ли в Вашей практике истории, когда родители, по молитвам своих детей, крестились и приходили к вере в конце жизни?

— Конечно, случались. Но мне бы не хотелось о них рассказывать, потому что для меня, как для священника, подобные истории достаточно неоднозначные, непростые, и уж точно я не хотел бы говорить о них как о каком-то примере.

Объясню почему. Одним из самых замечательных крещений, которые я совершал, стало крещение молодого человека, который здравствует и поныне. Замечательный доктор, умница, любящий свою семью, свою жену, он крестился с верой, с радостью, с любовью, с пониманием каждого сделанного им шага. Ничего не хотел упускать, просил провести его через полную катехизацию, максимально подготовиться к этому таинству. Он пригласил на крестины жену, тещу, всех. Вот это было настоящее торжество!



А вот когда человек уже немощный и умирающий принимает крещение, лежа в постели… Да, это необходимо совершить, если это его воля. Но спрашивается, а где же этот человек был раньше, когда был здоров? Почему только сейчас он задумывается о таком важнейшем вопросе?

— Но это же так радостно, что хотя бы в конце жизни, но человек уверовал!

— Понимаете, если человек осознанно жил в неверии — то это его выбор, который мы, как христиане, обязаны уважать. Мы не можем принять такую позицию, она для нас смертельна. Но право выбора за этой личностью мы признаем. Вот если человек не сознательно был атеистом, просто потому, что ему было лень что-то менять или было все равно, — это другой разговор, и это, конечно, более досадный случай.

Но бывает, что человек и перед смертью сомневается и колеблется. А потом, уже в бреду, в полусознательном состоянии, на какие-то секунды пробуждается, и дети, пользуясь этой возможностью, убеждают его, что надо срочно покреститься, говорят: мы сейчас

батюшку позовем, он тебя окрестит, причастит — и тогда спокойно умирай. И в таком состоянии человек кивнет головой, и все, «делайте, что хотите». Но это не крещение! К сожалению, я и сам совершал подобные таинства, но на сердце у меня до сих пор неспокойно. Потому что это был не свободный выбор, а уступка больного человека психологическому давлению здоровых.

Бывает, конечно, когда такой больной осознанно принимает крещение. У меня были такие случаи, когда человеку, находящемуся уже буквально в коматозном состоянии, вдруг хватает сил ясно и отчетливо сказать: «Я хочу покреститься». Насколько это ясное сознание, судить невозможно, но, по крайней мере, он повторяет слова молитвы, он приносит покаяние. Тогда да, тогда я готов подписаться под тем, что это было крещение по собственной воле. Но все равно остается вопрос: а где ты был, когда был здоров, когда мог осознанно и аргументированно отстаивать свою точку зрения? Значит, у тебя другие были интересы.

Понимаю, что родственникам-то хорошо: мама перед смертью крестилась, и теперь я запишу ее в синодик и вместе со всеми буду на родительскую ходить, записки подавать, свечку за нее ставить. Да, по-обывательски это мир и покой дочке или сыну. Но в таком ходе мыслей нет ничего про личность твоего родителя, про его «я», про его отношения с Богом. Здесь — только про себя.

— Подождите, но ведь это действительно счастье для ребенка, что хотя бы на смертном одре его родитель принимает Крещение! Ведь он умирает уже не атеистом…

— Да, для сына или дочки это великая радость. А для того, кто предстал перед Господом, это такая же радость? Если человек в болезни перед смертью действительно искренне раскаивается и искренне приходит ко Христу, тогда все радуются — и на земле, и на Небе. Но если человек в болезни крестится и причащается потому, что, например, ужасно хочет исцелиться или надеется, что поскорее умрет и перестанет мучиться, или поддается давлению близких, то какая тут радость?

Когда человек перед смертью хочет креститься или исповедоваться и причаститься, я, как священник, никогда не могу отказать в этом. Но радоваться и приводить это в пример, считать это нормой христианской жизни не следует.

Снова и снова повторюсь, очень важно любить и уважать своих родителей. И если вы их действительно уважаете, то не будете принуждать их и оказывать на них психологическое давление. Там, где уважение, там нет насилия и манипуляции.

Вот вы сказали, что ребенок счастлив, если мама или папа перед смертью покрестились. Это все так. Ко мне иногда подходит кто-нибудь в церкви и говорит: вот, хочу помолиться за ваших родителей. А я отвечаю, что мой папа был некрещеным и умер без покаяния. И однажды в такой момент я поймал себя на том, что мне стыдно за это и неловко. И в голове нет-нет да и промелькнет: эх, надо бы с мамой этот шанс не упустить, надо во что бы то ни стало ее покрестить.

Видите, сколько здесь самовлюбленности? Крестить свою маму лишь ради того, чтобы потом, когда какая-нибудь сердобольная прихожанка спросит меня о ней, со «спокойной» душой ответить: да, она крещеная, вот ее святое имя. Я, безусловно, переживаю за свою маму и всей душой хочу, чтобы она приняла Святое Крещение, молюсь об этом. Но страшно, когда замечаешь, что порой хочешь этого — ради себя. А не ради нее. Должно быть все-таки по-другому.

Беседовала Дарья Баринова
Аппликации Марии Сосниной

ВЕРА



Почему на Украине только одна настоящая Церковь?

И другие вопросы, которые часто задают в связи с действиями Константинополя

- **Что значит «евхаристическое общение»?**

Это значит, что служащие из разных Поместных (самостоятельных) Православных Церквей могут вместе совершать Евхаристию и вместе причащаться из одной чаши. Миряне могут причащаться в храмах любой Поместной Церкви, которая находится в евхаристическом общении с их родной Церковью. Например, миряне Русской Церкви могут участвовать во всех таинствах Иерусалимской Церкви и наоборот.

- **Почему Синод счел невозможным продолжать евхаристическое общение с Константинопольским Патриархатом?**

Это было вынужденное решение в ответ на заявление Константинополя после Синода в Стамбуле 9–11 октября 2018 года. В нем говорилось, что Константинопольский Патриархат восстанавливает глав раскольников («УПЦ КП» и «УАПЦ») до прежних званий и возвращает их прихожан в церковное общение. Также Константинополь «отзывает» акт XVII века, который подтверждает нахождение Киевской митрополии в составе Московского Патриархата.

Русская Церковь считает эти постановления Константинопольского Патриархата антиканоническими: Церковь, которая признает раскольников и отлученных от Церкви, исключает себя из канонического поля Православной Церкви. Константинопольский

Патриархат своими действиями ассоциировал себя с расколом — это главная причина невозможности евхаристического общения. Посягательство на чужую каноническую территорию, отказ от собственных исторических решений и обязательств — это нарушение церковных канонов.

- **Что решение Синода значит для верующих?**

Оно значит, что теперь верующим Русской Православной Церкви нельзя причащаться или участвовать в других таинствах на приходах и в монастырях Константинопольского Патриархата, а иерархам и клирикам Русской Церкви нельзя служить вместе с иерархами и клириками Константинопольской Церкви.

- **Так патриарх же Вселенский. Разве он не вправе решать дела всей Церкви?**

Нет, только в своей — Константинопольской. Вселенское Православие — это 15 Церквей, каждая из которых управляется самостоятельно. Административный глава у Вселенского Православия отсутствует, а обязательные для всех Церквей решения принимаются соборно. «Вселенский патриарх» — исторический титул, но не обозначение его «вселенской» власти. Он — «первый среди равных» ему глав самостоятельных Церквей. Титул «Вселенский» (Οἰκουμενικὸς) возник в V веке и обозначал территорию Римской империи, церковное управление на которой осуществлял тогда Константинопольский патриарх.

- **Сколько на сегодняшний день на Украине существует религиозных групп, называющих себя «православной церковью»?**

Очень много. Даже «патриархов» в Украине — целых два. Если же говорить о так называемых «церквях», то на сегодняшний день на территории страны существует так называемая «Украинская православная церковь — Киевский патриархат» («УПЦ КП»), «Украинская автокефальная православная церковь (обновленная)». И

это далеко не весь список. Все они являются неканоническими и не признаются в качестве подлинной Церкви на территории Украины.

- **А что значит «неканоническая» Церковь?**

Неканоническая — значит не признанная другими Церквями. Существует такое понятие, как вселенское православие — сообщество Поместных Православных Церквей, которые имеют единое историческое преемство от самих апостолов и в своей истории строго придерживались основ православной веры. К таким Церквям относятся, например, Иерусалимская, Антиохийская, Русская. Все они признают друг друга частями единой Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Так вот, если новообразовавшаяся религиозная группа, называющая себя «церковью», не признается в качестве таковой вселенским православием, значит, она является неканонической.

- **То есть если обычный человек задумает создать свою собственную «церковь», то она будет неканонической до тех пор, пока ее не признают другие Поместные Церкви?**

Церковь создана Христом. Поэтому признания такой «чьей-то собственной церкви» никогда не случится. У описанной в вопросе «церкви» не будет самого главного — апостольского преемства. Церковные каноны предписывают: возглавить общину верующих может только епископ. А рукоположить его могут только несколько других епископов, которых до этого рукоположили другие, и так далее. Эта цепочка рукоположений простирается вплоть до двенадцати апостолов, которые приняли дары священства в день Пятидесятницы. Без епископов и священников совершение церковных таинств невозможно. А это значит, что не будет и подлинного преображения человека, ради чего, собственно, и существует Церковь.

- **А если «новаторы» найдут епископов? Тогда все получится?**

Нет. Епископу одной епархии запрещено принимать на себя управление Церковью в другой (15-е правило Первого Вселенского

Собора). Кроме того, подобный переход возможен только с согласия Синода и Собора всей Церкви. В противном случае такой епископ является раскольником и церковным судом либо запрещается в служении, либо — это случай крайний — может быть предан анафеме, то есть полному отлучению от Церкви.

- **И что происходит с епископом после запрещения или анафемы?**

После этого он уже не имеет священнической благодати, а это значит, что все совершаемые им «таинства» не имеют никакой силы. Ношение епископского облачения человеком, над которым Церковью произнесена анафема или который был отправлен под запрет, — не более чем бутафория. Именно поэтому, кстати говоря, ни одна из существующих сегодня на Украине «церквей», помимо Украинской Православной Церкви, не признается православным миром.

- **Потому что все ее епископы или запрещены в служении или преданы анафеме?**

Да. Самый яркий пример — бывший митрополит Киевский, Филарет Денисенко, который является сегодня «патриархом» так называемой «Украинской православной церкви Киевского патриархата». 11 июня 1992 года на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви было принято постановление извергнуть его из сущего сана, после чего он перестал быть митрополитом. Денисенко отказался признавать решение Собора, и на Архиерейском Соборе 21 февраля 1997 года бывший митрополит был предан анафеме. Причем эта анафема была признана всеми Поместными Церквями.

- **За что он был подвергнут такому строгому наказанию?**

Цитируем официальный церковный документ: «За жестокое и высокомерное отношение митрополита Филарета (Денисенко) к подведомственному духовенству, диктат и шантаж (Тит 1:7–8; 27-е правило святых апостолов), внесение своим поведением и личной жизнью соблазна в среду верующих (Мф 18:7; 3-е правило I Всел.

Собора, 5-е правило V–VI Всел. Собора), клятвопреступление (25-е правило святых апостолов), публичную клевету и хулу на Архиерейский Собор (6-е правило II Всел. Собора), совершение священнодействий, включая рукоположения, в состоянии запрещения (28-е правило святых апостолов), учинение раскола в Церкви (15-е правило Двукратного Собора)».



- **А почему только Украинская Православная Церковь единственно каноническая?**

Во-первых, потому что только в ней сохранилось апостольское преемство. Во-вторых, свое самоуправление она получила законно, без нарушения канонов, от Московского Патриархата. В-третьих, только эта Церковь признается канонической всем православным миром. Она является частью Русской Православной Церкви, имея при этом практически полную автономию и свободу. Таков сознательный выбор большинства украинских православных христиан и духовенства Украинской Церкви.

Как святые зарабатывали деньги

и как их тратили



Правда ли, что все святые были нищими или презирали работу за деньги? Жития святых показывают, что это не так. Они не только постоянно трудились, стремясь обеспечить себя и помочь ближнему, но и умели «вкладывать» заработанные деньги так, что неизменно получали огромную «прибыль». А один святой даже открыл компанию с многомиллионным оборотом.

Профессия: ремесленник



Этот апостол должен был стать раввином, то есть получить право возглавлять общину верующих и толковать Библию. Однако по иудейскому закону раввин не мог брать деньги за обучение Торе, поэтому, чтобы обеспечить себя, ему пришлось научиться шить палатки. Это ремесло пригодилось апостолу Павлу и после его обращения в христианство. Начав проповедовать Евангелие, он продолжал делать палатки на продажу, чтобы не быть обузой для христианских общин, о чем сам писал в одном из своих посланий: *Ибо мы не бесчинствовали у вас, ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас (2 Фес 3:7–8).*

Так же поступали и первые монахи-отшельники. Своими руками они плели циновки, корзины и другую утварь на продажу. Так жили Антоний Великий, Макарий Великий, авва Агафон, авва Пимен и многие другие.

Рукоделие вообще всегда было частью жизни аскетов. Оно воспринималось не только как способ заработать и помочь нищим, но и как важнейшая практика, дисциплинирующая отшельника. Ведь самым тяжелым испытанием для пустынножителей было уныние, сами аскеты называли его «полуденным бесом». Считалось, что только

постоянный труд и молитва могут побороть эту гнетущую подавленность и вернуть состояние духовной бодрости.
В «Древнем патерике» есть история о том, как один инок, испытывая душевный дискомфорт из-за того, что ему приходилось продавать изготовленные им корзины, решил поделиться своими сомнениями с аввой Пистимоном. Тот выслушал жалобу и сказал: «И авва Сисой, и другие продавали свои рукоделья — в этом вреда нет, но когда ты продаешь, сразу назначь цену вещи; а после в твоей воле будет, если захочешь, немного сбавить цены. Таким образом ты будешь спокоен». Но инок решил уточнить: «Если я имею все нужное для себя, откуда бы то ни было, то велишь ли заниматься рукоделием?» «Хотя бы ты имел все нужное, не оставляй своего рукоделия. Делай, сколько можешь, только не возмущаясь», — ответил ему авва.

Профессия: фандрайзер



Этот святой родился в знатной и богатой семье, получил самое лучшее по тогдашним меркам образование и мог сделать блестящую светскую карьеру и жить, ни в чем не нуждаясь. Но он предпочел стать монахом. Со временем он стал и епископом, да таким, что и для многих сегодняшних пастырей его служение — недосягаемый эталон. Между тем одной из черт его характера, казалось бы, несовместимой с

возвышенной духовной жизнью, была невероятная предприимчивость. Огромные финансовые потоки благодаря его организационным способностям направлялись на дела милосердия.
Действительно, святителя Василия Великого без преувеличения можно назвать одним из самых выдающихся благотворителей в истории Церкви. Деньги, попадавшие в его руки, тут же «вкладывались» туда, где они практически моментально приносили колоссальную «прибыль».
Так, когда в середине IV века на территории Каппадокии разразился голод, святой Василий, будучи еще простым священником, быстро организовал бесплатные столовые и лечебницы, где оказывалась вся возможная помощь голодающим.
Естественно, для создания такой инфраструктуры нужны были большие деньги. Что-то удалось выручить от продажи святителем Василием фамильного имения. А чтобы набрать недостающее, ему пришлось убеждать состоятельных людей (иногда в довольно жесткой форме) в том, что их помощь необходима, что им нужно осознать «общность человеческой природы» и свою нравственную ответственность перед теми, кто оказался в беде.
В итоге только благодаря энергичным действиям Василия Великого многие из голодающих остались в живых. И по-видимому, уже тогда у святителя родилась мысль открыть свое «дело». В голове у него сложился целый проект — настолько масштабный, что, казалось, только императору под силу его реализовать.
Став архиепископом Кесарии Каппадокийской, святитель, продолжая помогать страждущим, начинает собирать деньги для постройки целого «города милосердия», который впоследствии получил название в честь своего основателя — «Василиада». На его создание пошли как личные средства святого, так и пожертвования, полученные им от благотворителей.
Некоторые чиновники тогда возмущались масштабом и дороговизной строительства, которое затеял епископ. В ответ тот в одном из своих писем правителю области Илии недоумевает: «Кому же делаем обиду, если строим пристанища странникам, бывающим здесь мимоходом и по немощи имеющим нужду в какой-нибудь услуге, или заводим

необходимо к их успокоению ходящих за больными врачей, вьючных животных, проводников?»
Из этого письма мы, кстати, можем частично реконструировать устройство лечебницы «Василиада». Количество зданий в ней было равно количеству болезней, которые тогда были известны. И в каждом из них был свой штат.
Была там и своя «станция скорой помощи» — специальные конные повозки. По сути, это была первая — в современном смысле этого слова — больница в истории человеческой цивилизации.



Кроме того, на территории «Василиады» были церковь, дом клира и богадельня. А для бедных постояльцев — работный дом. Самого святителя, который по одному из своих семи образований был медиком, часто можно было увидеть промывающим раны больным. Таким был Василий Великий — организатор, предприниматель и, говоря современным языком, фандрайзер, то есть специалист по привлечению финансов в благотворительные проекты. А его личное отношение к деньгам хорошо иллюстрирует один эпизод.

Когда в Византийской империи к власти пришел правитель, сочувствовавший еретикам-арианам и активно их поддерживавший, многие архиереи, испугавшись преследований и заточения, пошли на компромисс с исповедовавшими лжеучения. Нетрудно догадаться, что одним из немногих, кто остался верен Никейскому Символу веры, был Василий Великий.

Когда же чиновник по имени Модест вызвал его к себе и стал склонять принять арианство — сначала увещеваниями, потом угрозой конфискации личного имущества, апелляцией к закону, требующему беспрекословного подчинения императору, и наконец, обещанием физической расправы, — святитель сказал ему: «Если ты отнимешь у меня имение, то и себя этим не обогатишь, и меня не сделаешь нищим. Полагаю, что тебе не нужны эти ветхие мои одежды и несколько книг, в которых заключается все мое богатство. Ссылки нет для меня, потому что я не связан местом и то место, на котором живу теперь, не мое, и всякое, куда меня ни сошлют, будет мое. Лучше же сказать: везде место Божье, где ни буду “странником и пришельцем” (Пс 38:13). А мучения что могут сделать мне? — я так слаб, что разве только первый удар будет для меня чувствителен. Смерть же для меня — благодеяние: она скорее приведет меня к Богу, для Которого живу и тружусь и к Которому давно я стремлюсь».

Высокопоставленный чиновник, изумленный словами святого, передал их императору, и тот запретил впредь тревожить святителя.

Профессия: бизнесмен



Этот святой без «стартового капитала» сумел открыть чрезвычайно прибыльный бизнес. Элегантно одетый, владеющий иностранными языками, то и дело разъезжающий по разным странам, он богател не для себя. Этот бизнесмен раздавал огромные суммы нуждающимся, принимал в своем доме больных и нищих и мечтал принять монашеский постриг.

Зарабатывать на хлеб Василий Муравьев — будущий преподобный Серафим Вырицкий — вынужден был уже в десятилетнем возрасте: его семья потеряла единственного кормильца. Хорошо один односельчанин взялся отвезти мальчика в Санкт-Петербург и, может быть, даже вывести «в люди». Так будущий святой получил место рассыльного в одной из лавок Гостиного двора.

С самого начала Василий зарекомендовал себя как исполнительный и старательный работник; постепенно ему начали давать все более ответственные поручения. Большую часть заработанных денег он отправлял своей матери, а свободное время проводил в храме или за чтением книг — его особенно интересовали исторические сочинения. Через семь лет Василия повысили до старшего приказчика. Он стал первым заместителем и «правой рукой» владельца лавки. Такой стремительный карьерный рост для тех времен — случай из ряда вон

выходящий. Обычно, чтобы занять такую должность, нужно было проработать не меньше десяти лет.
В 1889 году Василий Муравьев обвенчался с Ольгой Нетрониной и через несколько лет завел собственный бизнес — контору по заготовке и продаже пушнины. Дело быстро пошло в гору, товар шел в Германию, Францию, Австро-Венгрию, Англию, США. Василий и сам неоднократно ездил за границу в поисках новых партнеров и клиентов. Годовой доход его фирмы оценивали в 90 000 рублей — огромная сумма по тем временам.
Конечно, семья Муравьевых занималась благотворительностью, помогала храмам, монастырям и богадельням. У них была традиция: по большим церковным праздникам двери их дома открывались и для малоимущих устраивалось пышное застолье. Но после прихода к власти большевиков бизнес пришлось свернуть. Супруги по взаимному согласию решили принять монашеский постриг, пожертвовав все свое состояние нескольким монастырям.







Церковь знает и другого святого монаха-миллионера. До своего пострига Иннокентий Сибиряков был успешным

золотопромышленником. Родился он в Иркутске в очень состоятельной семье.
Получив колоссальное наследство, он стал активно заниматься благотворительностью: открывал библиотеки, помогал бедным получать образование, финансировал научные лаборатории, помогал монастырям, строил богадельни и больницы. На его деньги был возведен великолепный собор апостола Андрея Первозванного в Андреевском скиту на Афоне.
При этом Иннокентий не только не расточил богатство своих родителей, но и приумножил его. Перед тем как принять монашеский постриг на Афоне, он обладал состоянием уже не в 900 тысяч, а в десять миллионов рублей. 6 ноября 1901 года святой миллионер Иннокентий Сибиряков, пособоровавшись и причастившись, скончался схимником на Святой Горе. Он сразу стал местночтимым святым. Сейчас в Русской Православной Церкви рассматривается вопрос о его канонизации.

Профессия: руководитель фонда



Этот святой «зарабатывал» огромные деньги своей популярностью. Полученные средства он, правда, мог мгновенно «потратить», так что и домой иной раз возвращался с пустыми карманами. Но денег все

равно приходило так много, что святой сумел создать огромный и уникальный в своем роде фонд, благодаря которому тысячи людей смогли трудоустроиться.

Действительно, к прославившемуся еще при жизни на всю Российскую империю праведному Иоанну Кронштадтскому отовсюду стекались пожертвования. И он их тут же раздавал. Побывавший в Кронштадте епископ Евдоким писал: «Из карманов, туго начиненных деньгами, он дает направо и налево, часто даже не справляясь с тем, сколько кому дал. По истине, левая рука не знает, что делает правая. Известны люди, которым он давал сразу свыше тысячи рублей».

Генерал Иванов-Луцевин был свидетелем того, как однажды к отцу Иоанну подошла бедная женщина с просьбой о помощи. Священник ответил ей, что у него ничего нет. В этот момент ему передали конверт с деньгами, и отец Иоанн отдал его страждущей. Потом оказалось, что в нем было 5000 рублей — сумма по тем временам огромная.

Однажды святой помог обратившимся к нему за помощью католикам: им нужен был колокол для костела, а Римо-католическая духовная коллегия на их запрос ответила молчанием. Отец Иоанн, не задумываясь, дал им столько, сколько было нужно, сказав: «Да славят они Бога». По свидетельствам современников, святой ежегодно раздавал около 150 тысяч рублей.

Нередко отец Иоанн, получив священническое жалование, приходил домой ни с чем, все раздав по дороге. Его супруге, матушке Елизавете, пришлось даже обратиться в епархию с просьбой, чтобы его жалование выдавали ей, а не мужу.

Всех благодеяний святого перечислить невозможно. Чего стоит один «Дом трудолюбия», открытый в Кронштадте в 1882 году. Это была первая организация в России, которая одновременно занималась трудоустройством, учебно-воспитательной работой и благотворительностью. Вне зависимости от вероисповедания каждый нуждающийся мог получить там помощь. В Доме были швейная и сапожная мастерские, бесплатная амбулаторная лечебница, бесплатная детская библиотека и много чего еще.

Конечно, чтобы воплотить в жизнь такой масштабный проект, нужно было обладать талантом организатора и деловой сметкой. «Дом трудолюбия» не был самоокупаемым. Помимо выручки от продажи

производимой продукции (шпагатов, канатов, гамаков и сетей, тюфяков, конвертов, коробок и бумажных пакетов) он существовал на частные пожертвования. И сам Иоанн Кронштадтский постоянно отдавал в «Дом трудолюбия» огромные суммы.

Профессия: фермер



Этого святого можно назвать настоящим «олигархом» своего времени. Он был настолько богат, что сегодня наверняка попал бы в один из рейтингов журнала Forbes. В собственности праведного Филарета Милостивого были обширные плодородные поля, виноградники, большие стада скота. В этом огромном хозяйстве было занято множество работников и слуг. А многодетная семья хозяина жила в достатке, счастье и согласии. Но была у этого богача одна «слабость» — никак он не мог удержаться от того, чтобы не дать кому-нибудь денег. Он был совершенно безотказным, помогал каждому, кто обращался к нему за помощью.

Но разразилась арабо-византийская война, и финансовому благополучию Филарета пришел конец. Армия неприятеля опустошила его земли, увела почти весь скот и всех рабов. Праведник перенес это испытание стоически и, несмотря ни на что, продолжал, чем мог, помогать страждущим. Из сострадания он отдал разоренным

соседям, также пострадавшим от нашествия, двух оставшихся у него волов, коня и корову с теленком.
Конечно, домочадцы воспринимали все эти поступки святого без энтузиазма: жена постоянно бранила его за то, что он милостив к чужим, а о своих не печется. Но муж призывал ее набраться терпения, уверяя, что они не погибнут, что в тайнике у него зарыты сокровища, которые в случае крайней нужды можно будет откопать. И хотя он все это явно сочинил, «сокровища» действительно вскоре нашлись.
Когда наставник юного императора разослал по всей стране гонцов, чтобы те отыскали правителю достойную невесту, Филарет с великим радушием и гостеприимством принял одного из них у себя. Тот, видя, что хозяйский дом, хоть и находится в запустении, был когда-то роскошным, а сам хозяин, хоть и беден, но ведет себя с тактом и благородством, выдающими аристократа, попросил показать ему своих внучек.
Вскоре старшая, Мария, стала женой императора. Сам Филарет был приглашен во дворец и принят там с почестями. Однако и вновь став богатым, он остался верен себе: немедленно велел приготовить роскошный пир, на который созвал нищих и калек со всей столицы. А перед самой своей кончиной повелел раздать все свое состояние бедным.

Тихон Сысоев
Рисунки Натальи Федоренковой

Можно ли обменять деньги на милость Божию?

Предательство Иуды произошло в доме Симона прокаженного, который был исцелен Спасителем. Именно в этом доме женщина, потратив все деньги, какие только имела, на драгоценное миро, возлила его на Спасителя. По древнему еврейскому обычаю так поступали с богатыми, знатными людьми, которых приуготовляли к смерти. После их кончины также возливали благоухание, — чтобы как можно дольше сохранять тела усопших от тления. Такое возлияние могли позволить себе только очень богатые люди, потому что по цене миро было как целое состояние.



И вот эта небогатая женщина тратит все свои средства, чтобы купить миро и возлить его на Спасителя. Один этот факт свидетельствует о том, что женщине было нечто открыто, ведь даже апостолы, которым Господь говорил о Своей смерти и Воскресении, практически ничего не помнили или, по крайней мере, вели себя так, будто не обратили внимания на Его пророчества — ни до страданий Спасителя, ни сразу

после Его смерти. А бедная женщина, по всей вероятности, вообще не знала об этих пророчествах, но ей было открыто нечто, и сердце ее откликнулось на предстоящие страдания безгрешного Человека, Который сделал так много добра, в том числе людям грешным, не отличая грешника от праведника. Видимо, в благодарность за всё, что совершил Спаситель, предчувствуя Его кончину, она и возлила драгоценное миро на Его главу. <...>

В тот самый момент, когда женщина возливала миро, что-то страшное, видимо, происходило в душе Иуды, ведь он сразу же принимает решение пойти и предать Спасителя, а перед этим еще и говорит: «Зачем такая трата? Ведь это миро можно было бы продать». Для Иуды было логично закончить фразу так: «а деньги забрать себе», но он не посмел это сказать, а потому лицемерно предлагает деньги, которые можно было бы выручить, использовать для помощи нищим. На что Господь отвечает: *«Нищих всегда имеете с собой, а Меня не всегда. О том, что сделала эта женщина, станет известно везде, где будет проповедано Евангелие, — она приготовила Меня к погребению».* Безумная, с точки зрения Иуды, трата была поводом к тому, чтобы пойти и донести на Спасителя, — поводом, но не причиной, потому что причиной было нечто другое.

Как свидетельствует Евангелие, Иуда носил ящик с общими деньгами, потому что у апостолов не было личных средств. Все, что жертвовали люди, складывалось в этот общий ящик, а оттуда деньги извлекались для покрытия необходимых расходов. Иуда был блюстителем этого ящика, но человеком нечестным, который запускал туда свою руку и похищал деньги, — другими словами, Иуда был вор. Этот страшный порок и стал внутренней причиной того, почему именно поступок женщины повлек за собой решение предать Спасителя. То, что совершила женщина, не соответствовало внутреннему миру, если угодно, идеалам Иуды. Он жил ради других целей, у него были другие ценности, и господствующей целью было обогащение — правдой или неправдой. Иуда был сребролюбец, а поскольку правдой эту страсть было невозможно утолить, он утолял ее неправедным путем, воруя не принадлежащие ему средства. <...>

Сребролюбие — это Иудина страсть, которая поразила сознание большинства людей. А если эта страсть господствует, то предательство

становится делом легким и простым. Можно предать мужа или жену, можно предать детей, можно предать друзей, можно предать свой народ. Чего только нельзя предать для того, чтобы получить вожделенное!



Иуда. Екатерина Бердюгина. 2017

Святой Иоанн Златоуст, размышляя на тему сребролюбия, говорит, что человек должен господствовать над деньгами, он должен быть господином над ними, но не деньги должны господствовать над человеком; и это очень правильное и точное определение. Господствовать — значит использовать материальные средства так, как человек считает нужным, и в том числе это означает способность отказываться от материальных средств в пользу других.

А святой Исидор Пелусиот, размышляя на тему сребролюбия, говорит вот что. Если бы можно было взять с собой деньги после смерти, если бы они могли хоть как-то утешить человека, пораженного страстью сребролюбия, — так ведь нет! Ни деньги, ни дома, ни обстановку, ни машины, ни другие ценности, которые люди стремятся приобретать здесь, взять с собой невозможно, сколько бы богатств у человека ни

было.Что же предлагает святой Исидор Пелусиот? Он говорит, что эти деньги нужно правильно вложить. Какую же «инвестицию» он предлагает? Святой Исидор учит вкладывать деньги, которые невозможно взять с собой после смерти, в других людей, — обменивая деньги на милость Божию.

Хорошо известна Евангельская притча, которая содержит такие слова Господа: *Стяжите себе друзей от мамоны неправды (Лк 16:9)* . Эта притча иногда с трудом понимается людьми, но смысл ее очень прагматичный и трезвый. Господь предлагает даже материальные средства использовать для того, чтобы обретать друзей. А святой Исидор Пелусиот, продолжая эту мысль, говорит: то же самое можно сделать не только в отношении живущих в этом мире людей, но и как бы вложить материальные блага в будущую загробную жизнь, обменять их на милость Божию.

Это очень глубокая мысль. И евангельская история о предательстве Иуды, которая свидетельствует о пагубности сребролюбия для души человека, должна и каждого из нас подвигнуть к мысли: а что будет с нами, с нашим материальным достоянием, когда мы уйдем в вечность? Многие считают, что достаточно оставить свои средства близким, родным. А может быть, недостаточно? Может быть, нужно найти иные способы обменять деньги на милость Божию?

Из проповеди в Великую среду после литургии в Храме Христа Спасителя, 16 апреля 2014 года. Заголовок дан редакцией

Как я впервые соврал

Хорошо помню свой первый опыт осознанного вранья. Во втором классе у нас были уроки рисования. Однажды учительница дала домашнее задание — рисунок на вольную тему. Каждый мог нарисовать то, что ему больше нравится. Мне больше всего нравился космос. Любимой моей игрушкой был пластмассовый пупс-космонавт в скафандре, а недосягаемой мечтой — сверкающий зеркальными деталями луноход на батарейках.

Ну и конечно, я решил нарисовать космонавта. Нашел подходящую картинку в журнале «Техника — молодежи». Но картинка была сложной: космонавт там стоял на незнакомой планете среди скал и кратеров, а за его спиной высилась громада звездолета. Самому нарисовать такое великолепие у меня никак не получалось. И я попросил маму помочь.



Надо сказать, мама рисовала просто блестяще. Уже будучи взрослым, я просматривал ее старые альбомы и поражался качеству карандашных

набросков. Проработав всю жизнь инженером, по сути своей она была художником. В тот раз мама увлеклась и нарисовала мне карандашом всю картину — и космонавта в скафандре, и скалы, и корабль. Получилось даже лучше, чем в журнале. Я обвел мамин рисунок фломастерами, раскрасил цветными карандашами и на следующий день принес его в школу.

Учительница почему-то решила проверять задание прямо во время урока. Мы радостно сорвались с парт, облепили ее стол и стали подсовывать свои альбомчики, попутно разглядывая рисунки друг друга. Больше всего было пейзажей — леса, луга, солнце, поднимающееся над морем. Учительница одобрительно кивала, ставила четверки и смотрела следующие работы. Когда я подал своего космонавта, все, конечно, ахнули — настолько он был хорош. Учительница ничего не сказала и поставила мне пятерку. Ну а что же еще можно было поставить за великолепный рисунок моей мамы?

И тут, сразу же за мной, подал свой альбом Алик Карасев. Он был самый маленький в классе, учился хуже всех, кое-как перебиваясь с двойки на тройку. Нарисовал он сказочного короля — в жабо, в горностаевой мантии, с лихо закрученными черными усами. Видно было, что он тоже взял за основу какой-то книжный рисунок, но в отличие от меня, перерисовал его сам, как умел. Король получился скособоченный, с кривыми короткими ножками. Корона на его голове была залихватски сбита набекрень, как берет у десантника. И все же он был каким-то живым — с характером, настроением и лукавой хитринкой в глазах-бусинках. Мне он ужасно понравился, всем остальным тоже.

Учительница рассматривала Алькиного короля и по-доброму улыбалась. А потом… Потом красной своей ручкой взяла и поставила на нем жирную тройку. Для меня это был настоящий шок. Почему — «три»? Потому что у Карасика нет мамы-художницы? Или потому что двоечнику больше не положено? Хороший ведь рисунок-то! Но учительница уже отложила его альбом, и ставила четверки за следующую серию лесов, рек и полей со стогами сена.

Карасик спокойно взял своего униженного короля, закрыл альбом и отправился за парту. Видимо, он уже смирился с тем, что больше тройки ему в этой школе не светит. А я смотрел на своего космонавта,

на пятерку с размашистой росписью учительницы. И не испытывал никакой радости. Наоборот, было тягучее чувство внутренней пустоты, разочарования. Но самое главное — я почувствовал тогда, что виноват перед Карасиком. Перед его замечательным королем, перед его мамой, которая, наверное, совсем не умеет рисовать…

Авва Дорофей говорил, что лгать можно тремя способами — мыслью, словом и самой жизнью. Наверное, в моем случае это была ложь жизнью — я ведь попытался выдать себя не за того, кем являлся на самом деле. И мне это удалось, хотя учительница наверняка понимала, что рисунок я ей подсунул совсем не детский. Почему она тогда промолчала и поставила эту несчастную пятерку? И почему мама согласилась нарисовать за меня рисунок, зная, что я буду сдавать его на оценку как свой? Бог весть…

Собственную свою ложь я тогда увидел ясно и отчетливо, через душевную боль от совершенного мною греха. Но что с этим делать дальше, я не знал. Да и вообще не знал, что такое грех. И врал потом еще великое множество раз. С каждым разом душа все больше мертвела, детская моя совесть становилась все менее чувствительной ко лжи, пока, наконец, не перестала реагировать на нее вовсе.

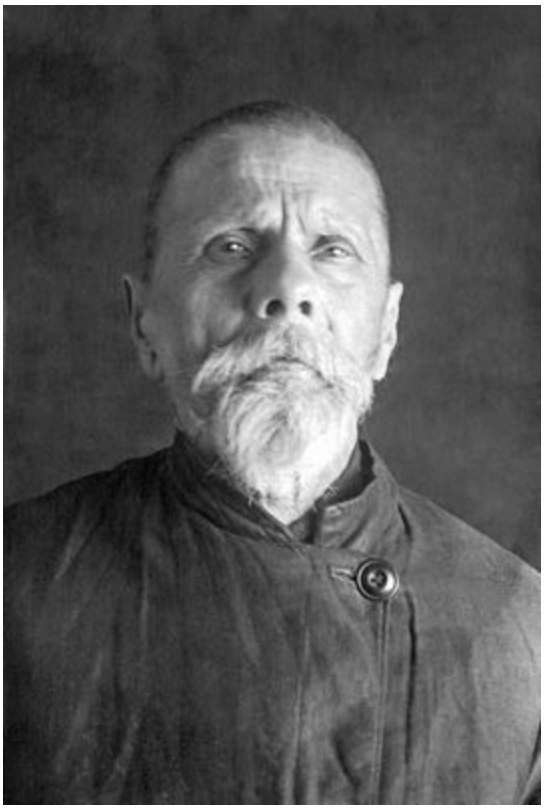
Когда я сегодня слышу недоуменные вопросы на тему «Ну в чем же могут исповедаться семилетние дети?», мне всегда хочется рассказать эту историю про короля и космонавта. Да будь у меня тогда такая возможность — прийти на исповедь, я бы не просто пошел — бегом побежал бы, так душа болела. До сих пор болит, если честно. Хотя потом много было грехов куда более страшных. Но эта, самая первая, ложь запомнилась по-особому, как осознанный переход границы между светом и тьмой. А возвращение из тьмы было долгим и очень непростым.

Александр Ткаченко

НОВОМУЧЕНИКИ

Священномученик Василий Архангельский

24.02.1864–**13.11.1937**



На допросе следователь потребовал от отца Василия:

— Дайте показания о вашей контрреволюционной антисоветской деятельности.

— Контрреволюционной антисоветской деятельностью я не занимался, — ответил священник.

— Когда во время ареста у вас делали обыск, вы заявили, что «писем к Троцкому и от Троцкого вы не найдете, я их все сжег». Объясните следствию, почему вы так заявили?

— Когда у меня делали обыск и осматривали церковные книги, я заявил, что писем к Троцкому и от Троцкого вы не найдете, я их все сжег. Но это было сказано в шутку.

На этом допросы были закончены, и начальник Волоколамского отделения НКВД написал в характеристике на семидесятитрехлетнего священника, что тот хотя и пожилой, но физически еще крепкий, как бы предполагая, что путь от тюрьмы до расстрела он способен пройти самостоятельно…

* * *

Священномученик Василий родился 24 февраля 1864 года в городе Серпухове Московской губернии в семье псаломщика Василия Архангельского. Окончив в 1884 году Московскую духовную семинарию, Василий женился и был рукоположен во священника к Благовещенскому храму в селе Матвеевском Подольского уезда. В семье у них с супругой родилось четверо детей. В 1891 году отец Василий был переведен служить в храм Ахтырской иконы Божией Матери в селе Ахтырка Хотьковской волости Дмитровского уезда. Заботясь о просвещении своих духовных детей и прежде всего — о просвещении нравственном, он в своем приходе открыл церковно-приходские школы в нескольких деревнях.

В 1914 году отец Василий был награжден золотым наперсным крестом, в 1919 году — возведен в сан протоиерея. После прихода к власти большевиков протоиерей Василий в 1920 году был арестован и приговорен к трем месяцам заключения условно по обвинению в контрреволюционной деятельности.

В 1925 году он был награжден наперсным крестом с украшением, а в 1929 году — палицей.

В 1929 году усилились гонения на Русскую Православную Церковь и сотрудники ОГПУ через осведомителей стали более активно собирать сведения об отце Василии. Среди прочего они писали о священнике, что он в частной беседе сказал: «Скоро будет война, об этом мне говорили верные люди из Москвы. Теперь и крестьяне ждут перемен, большевики и их берут в работу. Хлеба нет ни у кого, переходят на карточки. Запасов хлеба у большевиков нет». На основании подобного рода донесений священник был обвинен в том, что «использовал свой авторитет среди верующих для ведения злостной антисоветской агитации», что он «повсеместно как в частных беседах, так и в проповедях, ведет злостную антисоветскую и антисемитскую агитацию, затрагивая политические темы». И сделан вывод: «дальнейшее пребывание его на свободе имеет отрицательное влияние на настроение населения к советской власти». Приступив к практическим действиям, в ночь со 2 на 3 сентября 1929 года сотрудники ОГПУ арестовали отца Василия и заключили в Бутырскую тюрьму в Москве.

3 сентября следователь допросил жительницу деревни Комякино. Она показала, что 9 июля, когда по домам в их деревне с молебнами ходили священник с диаконом, ее дома не было. Узнав, что они только недавно ушли, она послала за ними дочку. Отец Василий отслужил в ее доме молебен, а затем сказал, что «нехорошо, что я избегаю священника, так как этим я лишаюсь Божьего благословения. Я стала оправдываться, говоря, что сделала это не по злому умыслу, а потому, что у меня не было денег. После этого отец Василий сказал: “Плохо, что некоторые дома, наслушавшись большевиков, отказались от икон, их за это постигнет Божья кара”. Он мне еще много говорил по-ученому, так что я не могу вам передать полностью его слов, так как не могу вспомнить».

На следующий день следователь допросил священника. Выслушав вопросы следователя, отец Василий сказал: «Никакой антисоветской агитацией среди крестьян я не занимался и разговоров с крестьянами на политические темы я не вел. Я не агитировал крестьян и порвавшим

с церковью не говорил, что их смутили большевики. Книгу Нилуса, в которой идет речь о протоколах Сионских мудрецов, я не имел и не имею. Нилуса я читал лишь о монастырях. Заявляю, что политическими вопросами я не интересуюсь. Выписывая журнал “Безбожник”, я его читаю исключительно с желанием узнать, что пишут о религии. Многому из него я не верю и не допускаю мысли, чтобы факты, о которых пишут в “Безбожнике”, творились в нашей среде».

12 сентября следователь допросил диакона Алексея Архангельского, служившего раньше в Хотьковском монастыре, с которым отец Василий ходил служить молебны, и тот показал: «В разговоре со мной священник Архангельский действительно выражал недовольство советской властью, говоря, что власть находится в руках жидов, начиная от Совнаркома и до низов, всё делают по их указке, что правительство, объявив свободу вероисповедания, всех верующих притесняет. Кроме того, в доме в деревне Комякино он говорил, что те дома, которые не принимают священника, лишаются Божьего благословения. Это оттого, что они наслушались большевиков».

17 сентября сотрудники ОГПУ допросили еще одну свидетельницу, жительницу села Ахтырка. Отвечая на вопросы следователя, она показала: «Я бывала у священника Архангельского и иногда с ним разговаривала. В его разговорах что-либо плохого о советской власти не было, он просто говорил, что в настоящее время вера среди народа падает и это приведет всех к плохому концу. Разговаривая о войне, он мне говорил, что лучше, если войны не будет».

23 ноября 1929 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило протоиерея Василия по обвинению «в антисоветской и антисемитской агитации» к трем годам ссылки в Северный край. Отец Василий был сослан в город Барабинск в Западной Сибири, а через некоторое время переведен отбывать ссылку в Вологодскую область.



Выписка из протокола

заседания судебной тройки при Управлении НКВД СССР по МО

От „11" XI 1937 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
Дело № 10637- о обвинению: 2. АРХАНГЕЛЬСКОГО Василия Василь евича, 1864 г.р. ур. гор. Сарну- хова, МО, нсш. судим в 1929г. по ст. 58 п.10 ч.1, осуждён на 3г. ссылки. Обвиняется в а/сов. агитации.	АРХАНГЕЛЬСКОГО Василия Васильевича РАССТРЕЛЯТЬ.-

Секретарь тройки

После освобождения из ссылки ему не позволено было селиться к Москве ближе ста километров, и он стал служить в храме Рождества Богородицы в селе Тимашево Волоколамского района. В 1935 году протоиерей Василий был награжден митрой.

В 1937 году начался период беспощадных гонений на Русскую Православную Церковь. Протоиерей Василий был арестован 22 сентября 1937 года и заключен в тюрьму в городе Волоколамске. Во время обыска у священника ничего не нашли кроме семнадцати серебряных советских монет по 50 копеек, которые и были изъяты.

В характеристике для НКВД на священника председатель Тимашевского сельсовета писал, что тот не только вел антисоветскую агитацию, но и производил незаконные денежные сборы с колхозников на ремонт церкви, выпрашивая у них, чтобы каждое хозяйство пожертвовало на ремонт хотя бы по десять рублей.

На следующий день после ареста священника сотрудники НКВД допросили председателя сельсовета. Он показал, что протоиерей Василий, «отбыв срок наказания, проживает в селе Тимашево, систематически занимается контрреволюционной антисоветской

деятельностью, направленной на срыв мероприятий, проводимых советской властью и партией. 22 сентября 1937 года в момент проведения у него обыска он заявил, что зря вы у меня что-то ищете, писем от Троцкого у меня не найдете, что было, я все пожег в печке, и сейчас вам у меня ничего не найти. Архангельский среди колхозников занимается агитацией. Летом в присутствии моем и колхозников говорил, что всем плохо живется в колхозе, потому что не стали жить в соответствии с Божьим Писанием, Бога забыли, в церковь перестали ходить, а все слушают коммунистов, которые доведут до того, что с голоду будете дохнуть, как мухи, хлеб на полях скоро родиться не будет. Весной 1937 года во время проведения в колхозе пробного выезда Архангельский, указывая на колхозные бригады, заявил: “Глядите, сколько их осталось, посевов много, а народа нет, все, что и посеяно, им не убрать, а если и уберут, то все равно ничего не получат — все государство заберет, а колхозники получат только солому. Вот и идите в колхозники, работайте задаром”».

* * *

11 ноября 1937 года тройка УНКВД по Московской области приговорила отца Василия к расстрелу. Протоиерей Василий Архангельский был расстрелян 13 ноября 1937 года на полигоне Бутово под Москвой и погребен в безвестной общей могиле.

Игумен Дамаскин (Орловский),

ответственный секретарь Церковно-общественного совета при Патриархе Московском и всея Руси по увековечению памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской, руководитель фонда «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», www.fond.ru

ЛЮДИ



Что сделала моя бабушка, когда ее обокрали

Эти события происходили в начале 50-х годов. Моя бабушка, Жидкова Марфа Васильевна, жила в небольшом деревянном старинном доме на окраине города Орла со своей многочисленной семьей.
Бабушка сопереживала всем: и родным, и чужим. Ее младшая дочь Галя рассказывала: «Однажды зимой, а было очень холодно, в окно постучал незнакомый мужчина и попросился переночевать. Мамка, как всегда она и поступала, впустила его, накормила и постелила на полу, так как другого места в доме не было. Все спокойно легли спать. А наутро гостя на месте не оказалось. Уходя, он прихватил с собой и нашу теплую одежду. Но мамка его не только не ругала, а помолилась за него и сказала, что мы в тепле, а ему еще неизвестно где придется ночевать».
Она запретила все разговоры по этому поводу. Сама ни капли не осудила этого человека и сказала, чтобы никто его не осуждал.
Дети запомнили этот случай, и вспоминали его не в осуждение вороватому постояльцу, а как пример бабушкиного поведения. И всегда говорили: «Мамка и сама не переживала, и нам запретила об этом говорить, тем более осуждать». Она искренне считала, что любая ситуация в жизни послана Богом, а значит, так надо было.



Был еще такой случай. В эти же годы как-то с работы вечером не вернулся бабушкин муж Федор. Она узнала, что его по оговору забрали в опорный пункт милиции. Всю ночь она молилась за своего супруга, знала, что он ни в чем не виноват. А наутро муж вернулся домой и рассказал, что его уже хотели было куда-то увозить, но тут пришел человек, который его оклеветал, и признался в своем оговоре. Федор был очень удивлен таким поступком, а Марфа как знала — не удивилась, что муж вернулся домой. Больше подобных ситуаций никогда не повторялось.

Прошло уже немало лет с кончины моей бабушки, но как часто все мои родственники вспоминают о ней! И не просто вспоминают, а всегда с душевной теплотой и светлостью. Причем, не только дети и внуки, которые знали ее при жизни, но самое удивительное, о ней говорят и правнуки, которые прабабушку никогда не видели. По современным мирским меркам она мало чего добилась: не занимала высоких должностей, не скопила материального богатства, не была в состоянии оказывать существенную денежную помощь своим детям.

Но вместе с мужем они сумели создать и скрепить семью в несколько поколений.

Воспоминания о том, как бабушка поступала в том или ином случае, как реагировала на радость и горе, как воспитывала детей, как жила с мужем, очень часто наталкивают на размышления о правильности собственных поступков. И даже спустя много лет в совершенно обыденных на первый взгляд ситуациях из бабушкиной жизни можно извлечь что-то глубокое и полезное для каждого из нашей семьи.

Фрагмент из книги Татьяны Подосинниковой «Много лет радости» (издательство «Паломник», 2017 г.), которая посвящена истории ее семьи

КУЛЬТУРА



Николай Бердяев: жизнь в поиске Богообщения

«Я СОЗНАЮ СЕБЯ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЭМАНСИПАТОРОМ, И Я СОЧУВСТВУЮ ВСЯКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ. Я И ХРИСТИАНСТВО ПОНЯЛ И ПРИНЯЛ КАК ЭМАНСИПАЦИЮ».

Так писал о себе и о своем философском кредо Николай Бердяев (1874–1948) — номинант Нобелевской премии по литературе, «философ свободы», эмигрант, религиозный мыслитель, один из самых читаемых философов XX века.

О том, как мыслитель относился к Церкви, каким был его философский путь, почему русский коммунизм он воспринимал как религиозное явление, «Фома» поговорил с кандидатом философских наук, заместителем декана философского факультета МГУ Алексеем Козыревым.



«Может ли Бог создать камень, который Он не может поднять?»

— Алексей Павлович, какими были отношения Бердяева с Церковью?

— Нелинейными и непростыми. Мне кажется, что стоит даже говорить о «двух» Бердяевых — до эмиграции и после: первый был далек от традиционной церковности, в отличие от второго. Кроме того, его творческая и личная биография расчерчена разными периодами, умонастроениями, мировоззренческими установками, что определило и разность его оценок и позиций по поводу Церкви.

Так, например, свой путь Бердяев начинал как легальный марксист *(«легальным» это идейно-политическое движение называлось потому, что его представители публиковали свои программные тексты и статьи в официальных газетах и журналах. — Ред).* Однако уже тогда он был далек от ортодоксального марксизма. Ведь в своих работах того периода философ сконцентрирован на проблемах личности, этического идеала, соотношения сущего и должного, а такой антропологизм *(т. е. восприятие человека как отправной точки для всех последующих философских построений. — Ред.)* марксизму не свойственен.

Неудивительно, что позднее Бердяев, как и определенная группа людей его поколения, перерастает марксизм и приходит к философскому идеализму. Он понимает, что человек, как существо, неудержимо стремящееся к некоторому Идеалу, по своей природе религиозен. Его нельзя сводить только к экономическим потребностям, так же как и не получится уложить его в «прокрустово ложе» одних лишь политических интересов. Человек как проблема бесконечно глубже и сложнее.

В начале XX века Бердяев становится одним из активных выразителей движения «нового религиозного сознания». Его члены — Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, В. В. Розанов, С. А. Аскольдов — представляли своеобразную «интеллигентскую церковь», сообщество «верных», которое выделило себя из общецерковной массы и в известном смысле противопоставило себя ей, претендуя на создание собственного религиозного учения. В частности, оно опиралось на идею так называемого «Третьего Завета, или Царства», высказанную итальянским монахом XII века Иоахимом Флорским. Он считал, что процесс откровения Бога в истории человечества не завершен. Если

две ипостаси Святой Троицы уже открылись лично — Отец во время дарования Закона Моисею на горе Синай, а Сын, родившись в Вифлееме, то ипостась Святого Духа, по мнению испанского монаха и представителей «нового религиозного сознания», себя еще не явила. Наступление этого окончательного Богоявления они очень ждали. Очевидно, что Церкви эта идея была, мягко говоря, не близка, ведь Дух Святой уже явил себя в Пятидесятнице, поэтому и никакого «Третьего Завета» не предполагалось.



Николай Бердяев с женой и друзьями. На снимке: Л. Ю. Бердяева, Н. А. Бердяев, А. К. Герцык, Е. К. Герцык, М. А. Волошин, Л. А. Жуковская. 1910-е годы

— Период, о котором Вы говорите, совпадает с особенным временем в истории русской культуры, которое получило название Серебряный век, для которого одно из ключевых понятий — богоискательство. А в чем особенности «богословия» Серебряного века?

— Действительно, Серебряный век стал периодом крайне интенсивного богоискательства — далеко не всегда удачного. И представители Серебряного века — в том числе и Бердяев — ожидали наступления «Третьего Завета», следствием чего станет полное изменение самой Церкви. Иоахим Флорский полагал, что после явления Святого Духа жесткое разделение на мирян и клириков будет преодолено — каждый верующий получит статус священника. Сложно не заметить здесь сильного протестантского импульса.

Кроме того, многие мыслители Серебряного века считали, что должно измениться и отношение к человеческому телу. В частности, Дмитрий Мережковский и его круг разработали целое учение о «святой плоти». Они считали, что историческое христианство было слишком аскетично, что оно отрицало человека в его естественности, пренебрежительно относилось к полу. «Святая плоть» породила всевозможные отклонения, которые, например, практиковались в семье Мережковских, и которые противоречили общепринятым нравственным нормам.

Интересно, что идеи «нового религиозного сознания» были представлены на религиозно-философских собраниях, которые проходили в 1901–1903 гг. в Санкт-Петербурге. И, естественно, со стороны Церкви эти идеи приняты не были, но сам факт этих встреч был удивителен. Впервые была предпринята попытка начать диалог между Церковью и богоискательской интеллигентской средой. Проходили они с официального разрешения обер-прокурора Святейшего Синода Константина Победоносцева. Председательствовал на этих собраниях епископ Ямбургский Сергий — будущий Патриарх.

В чем-то эти встречи оказались успешными, а в чем-то нет. С одной стороны, они вывели на передний план целую плеяду выдающихся церковных деятелей, таких как Михаил Новоселов — будущий новомученик, церковный историк Антон Владимирович Карташев — он станет министром по делам вероисповедания Временного правительства, а затем, в эмиграции, профессором Сергиевского Богословского института в Париже, Валентин Александрович Тернавцев, чиновник Синода и секретарь митрополита Антония

(Вадковского), и в то же время убежденный хилиаст *(придерживался богословской идеи о том, что в будущем наступит тысячелетнее царство Иисуса Христа. — Ред.).* Однако идеология «нового религиозного сознания» вызвала на собраниях бурную дискуссию, и далеко не все их участники поддержали эти идеи.

— А что Бердяев? Отказался ли он впоследствии от проектов «нового религиозного сознания»?

— И да, и нет. С одной стороны, Бердяев после революции постепенно сближается с Церковью. Его высказывания по поводу православного Предания становятся более церковными. С другой стороны, некоторый импульс движения «нового религиозного сознания» в его мировоззрении сохранился.

Дело в том, что одна из главных составляющих философии Бердяева — идея о трех этапах человеческой истории: каждому из них соответствует этика закона, этика благодати и, наконец, этика творчества. Философ утверждал, что, собственно, третий исторический этап начнется после особого откровения, когда в человеке раскроется полнота его творческого потенциала и он станет конгениален Богу, почти что соравным Ему творцом и продолжит творение мира, которое начал Создатель.

Человек, по мысли Бердяева, своим творчеством постоянно создает нечто принципиально новое, никогда до этого не существовавшее, не бывшее, более того, даже не укладывающееся в провидение Самого Бога: «Творчество человека из ничего,— пишет он в книге «О назначении человека»,— нужно понимать в смысле творчества человека из свободы. Во всяком творческом замысле есть элемент первичной свободы человека, ничем не детерминированной, бездонной, свободы, не от Бога идущей, а к Богу идущей. Зов Божий и обращен к этой бездне и из бездны ждет ответа». Эта позиция философа крайне радикальна и, конечно, далека от православного мировидения. Скорее, здесь можно увидеть непреодоленные следы древней христианской ереси — гностицизма.

Гностики считали, что люди делятся на три типа: материальные — это язычники, душевные — обычные христиане, и духовные — это и есть

гностики. И если обычные люди должны следовать заповедям, соблюдать нравственные нормы, то гностикам всё позволено. Ведь в них, как они считали, уже обитает божественный дух, который освобождает их из под ярма закона и необходимости благодати. Бердяев отнюдь не призывал к подобному либертинизму (так называли себя сторонники свободной, гедонистической морали. — Ред), но особая роль, которую он приписывает творцу и творчеству, может поставить художника вне общечеловеческой морали.

В связи с этим стоит сказать и о другой важной составляющей философии Бердяева. Его называют «философом свободы». Мысль о свободе, постоянная рефлексия по ее поводу сквозной нитью проходит через всю его философскую биографию. Он полагал, что свобода — самая важная, центральная категория бытия, что она добытийственна и даже предшествует Самому Богу, делая Его, если так можно сказать, пленником свободы. Один из близких знакомых философа, поэт-символист Вячеслав Иванов, однажды задал своей дочери Лидии такой вопрос: «Может ли Бог создать камень, который Он не может поднять?» И сам ответил: «Да, этот камень — человек с его свободой».

Этот пример хорошо показывает восприятие свободы Бердяевым. Она, как думал философ, выходит за рамки всего бытия, даже за пределы Божественного Промысла. Сам Бердяев в «Самопознании» писал: «Моя философия есть философия духа. Дух же для меня есть свобода, творческий акт, личность, общение любви. Я утверждаю примат свободы над бытием. Бытие вторично, есть уже детерминация, необходимость, есть уже объект».

Именно такое радикальное понимание свободы Бердяев будет отстаивать всю свою жизнь. В христианское предание такое понимание не укладывается, и, скорее, своими корнями снова уходит к гностицизму. Ведь свобода, укорененная в бездне, становится по сути высшим богом, другим по отношению к Богу, а это порождает дуализм.

— Кроме идеи трех периодов в истории человечества и философии свободы, что еще в наследии Бердяева не укладывается в учение Церкви?

— Мы уже немного сказали о критике некоторых мыслителей Серебряного века чрезмерной, как они считали, аскезы в христианской традиции. Известно, что и сам Бердяев считал, что это «мрачная» сторона в православии и даже в связи с этим негативно отзывался о «Добротолюбии» *(сборник духовных произведений, написанных разными христианскими подвижниками IV–XV вв. — Ред.)*.

Идеалом человека для Бердяева был андрогин, половое разделение связывалось им с первородным грехом. В древнегреческой мифологии существовало представление о том, что когда-то не существовало разделения на мужской и женский пол, а было некоторое существо, которое соединяло в себе оба этих начала. И Бердяев считал, что такая, если угодно, «андрогинность» — идеальная природа человека, что к преодолению полового разделения нужно стремиться. Конечно, эта идея не укладывается в библейское понимание человека, согласно которому Бог изначально задумал и сотворил человека как мужчину и женщину.

Стоит заметить, что, судя по всему, Бердяев был плохо знаком с православной аскетической традицией. Ему вообще свойственен некоторый интеллектуализм, отвлеченность, и, как следствие, плохое знание основ конкретной религиозной жизни. Он видел аскетизм односторонне — только как самобичевание, с характерной для западного христианства мистической экзальтацией. Но ведь настоящий аскетический подвиг научает человека побеждать себя, свой эгоизм, сострадая ближнему. Такой аскетизм не отрицает человека, а наоборот — преображает его.

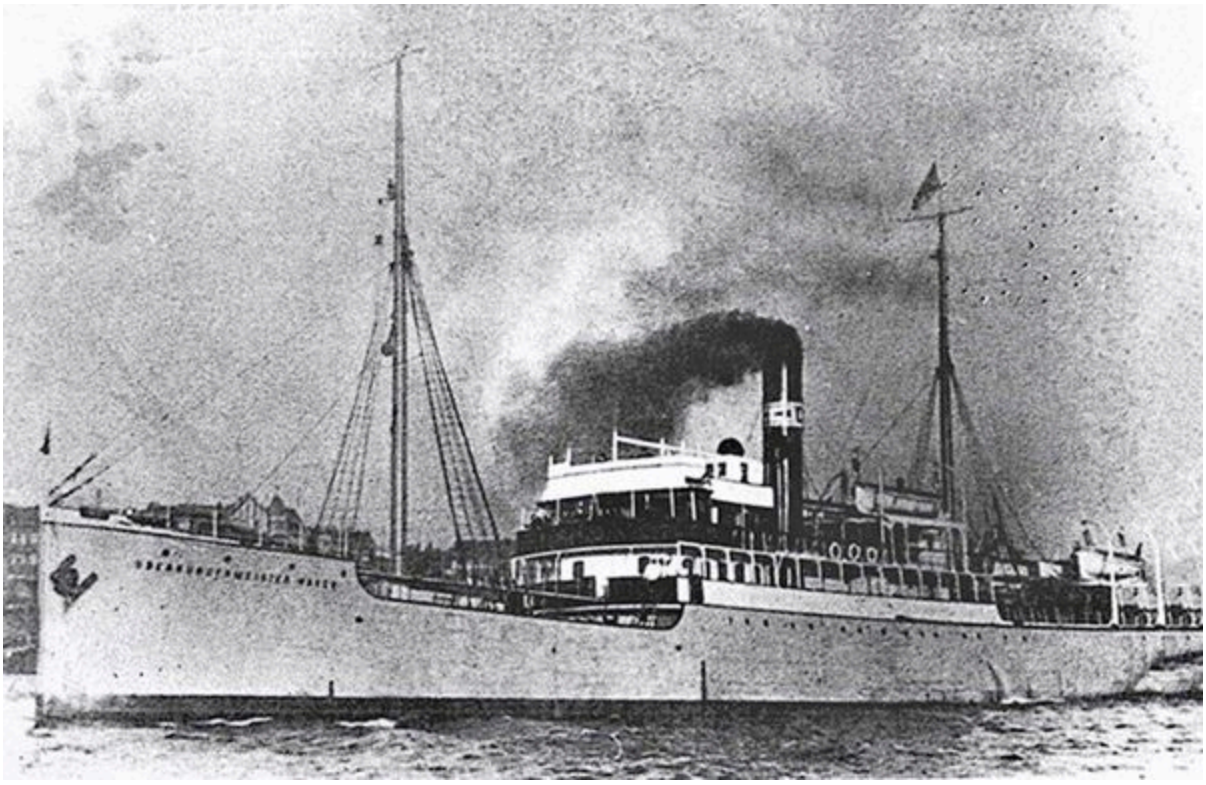
«Я видел на рабочем столе Бердяева молитвослов»

— Правильно ли я понимаю, что Бердяев, после того как он оказался за пределами России, уже иначе стал относиться к Церкви?

— Действительно, после революции Бердяев в сентябре 1922 года на одном из «философских пароходов» был выслан из страны. После этих

трагических событий — в эмиграционный период — философ сближается с Церковью.

Он становится постоянным прихожанином Трехсвятительского подворья Московской Патриархии в Париже. В это время он вместе со своей женой Лидией Юдифовной поселился в Кламаре, в доме, который позднее был завещан ему одной богатой англичанкой, поклонницей его творчества.



Пароход «Oberburgermeister Haken», на котором Н.А. Бердяев с семьей отплыл из Петрограда 29 сентября 1922 года

Я бывал в этом доме, в кабинете Бердяева, и видел на его рабочем столе молитвослов. Там есть много закладок, каких-то пометок, что указывает на то, что философ ежедневно молился. В доме была и часовня, где совершали молебны священники, в частности, архимандрит Киприан (Керн), живший на Сергиевском подворье и преподававший в Сергиевском богословском институте. Он был в очень хороших отношениях с Бердяевым.

Интересно еще и то, что здесь, в эмиграции, философ становится фигурой, благодаря которой происходит встреча многих православных, католических и отчасти протестантских интеллектуалов Европы. Это не было случайным, ведь после публикации книги «Новое Средневековье» в 1923 году имя Бердяева стало очень известным в Западном мире. А последующие книги — «Философия свободного духа», «Судьба человека в современном мире», «Я и мир объектов», «Истоки и смысл русского коммунизма» — поставили Бердяева в первый ряд европейских мыслителей. Однако, несмотря на то, что философ общался с протестантскими и католическими мыслителями, сам он до конца жизни оставался православным, посещал воскресные богослужения в храме Трех Святителей в Париже. Справедливости ради нужно заметить, что такая верность православию была связана и с его патриотической позицией.

Высланный из Советской России бессрочно, Бердяев не стал ненавистником своей Родины, какой бы она ни была, пусть даже «красной», большевистской. В кругу эмигрантов он был одним из немногих, кто не спешил разрывать духовные и интеллектуальные связи с Россией. Со временем Бердяев начинает проникаться какой-то симпатией к тому, что происходит в СССР. В частности, ему, как философу коммунитаризма — это философски понятый идеал церковной соборности,— импонировало то, что советская власть пыталась строить социальную систему на принципах нового коллективизма, который, как казалось философу, в чем-то пересекался с его позицией. Нравилось ему и то, какие реформы проводились в области образования и воспитания. Известно, что в 1945 году, незадолго до своей смерти, он даже пришел на прием в советском посольстве в связи с победой в Великой Отечественной войне и пил тост за здоровье Сталина.

Более того, Бердяев был чуть ли не единственным эмигрантом, кто сочувственно отнесся к знаменитой декларации Заместителя Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского). Текст этого документа вызвал недоумение и бурные дискуссии как в церковной среде в СССР, так и среди русскоязычных верующих за границей. Наибольшие пререкания вызвали следующие

строки декларации: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи». Бердяев, видимо, понимал, что этот документ митрополита Сергия был вынужденной мерой, с помощью которой он надеялся спасти Церковь от полного уничтожения. Хотя многие верующие не смогли принять декларацию и споры о ней ведутся до сих пор.

К тому же, я думаю, Бердяев помнил и самого митрополита Сергия, который председательствовал на религиозно-философских собраниях в Петербурге, и знал его как человека ответственного, умного, богословски одаренного. Нельзя не сказать и того, что для философа Русская Церковь символизировала то единственное, что осталось от былой России, единственный остов, который еще удерживает идеал Святой Руси. В этом смысле значимо то, что свой дом в Кламаре философ завещал Русской Православной Церкви.

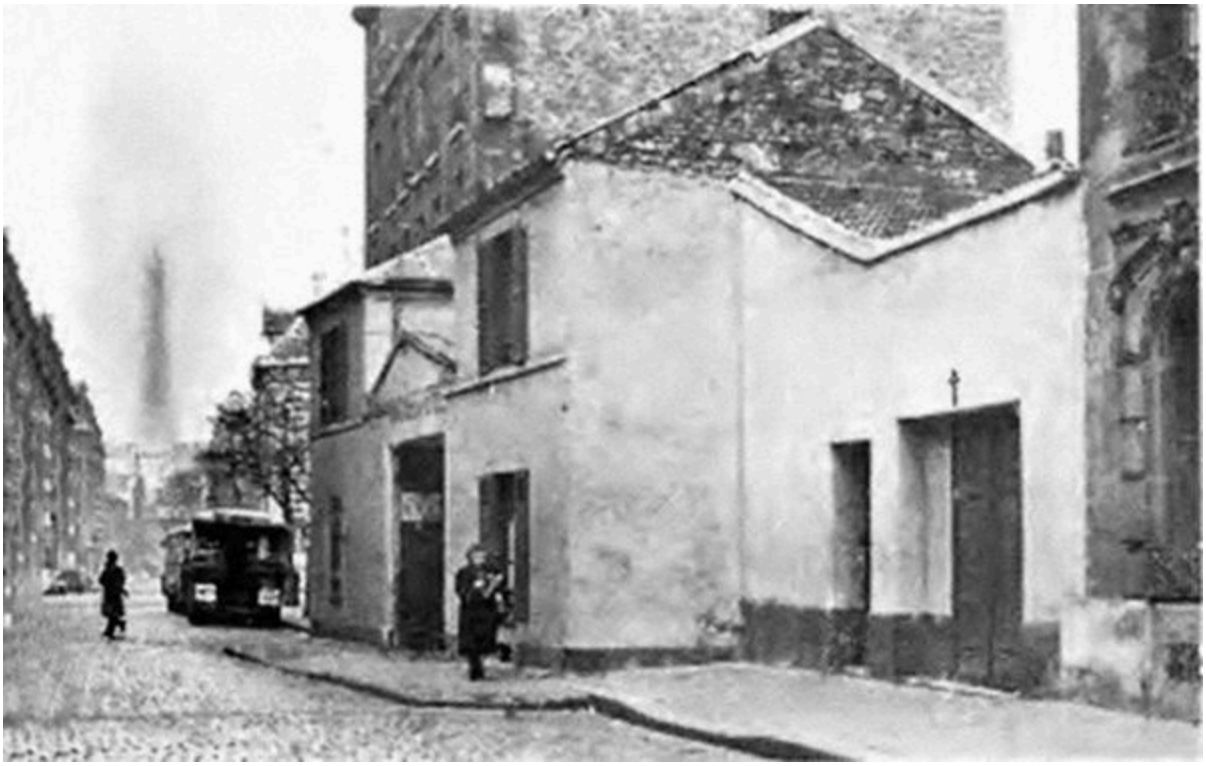
— Получается, что Бердяев никогда с Церковью открыто не конфликтовал?

— Нет, можно вспомнить два инцидента, когда философ открыто выступал против официальной церковной иерархии. В первый раз он публично высказался по поводу осуждения имяславия и разгона Андреевского скита на Афоне в 1913 году. Имяславие — это религиозное учение, согласно которому в имени Божием незримо присутствует Сам Бог, как писал об этом схимонах Иларион (Домрачев): «В имени Божием присутствует Сам Бог — всем Своим Существом и (всеми) Своими бесконечными свойствами».

Тогда Святейший Синод постановил, что афонские имяславцы впали в ересь и что нужно немедленно пресечь эти духовные поползновения. С этой целью на Афон был отправлен сначала архиепископ Никон Вологодский, который попытался монахов увещевать, а когда это не удалось — броненосец с пожарной командой, с помощью которой монахов-имяславцев согнали на корабль и насильно эвакуировали из Афона в Россию на одесский рейд. После чего их распустили, а священников лишили сана.

Бердяев, возмущенный этим инцидентом, написал статью, которую не без иронии назвал «Гасители духа». Сразу после публикации на философа было заведено уголовное дело по обвинению в кощунстве. Ему грозило шесть месяцев лишения свободы, однако дело было прекращено, когда началась Первая мировая война.

Здесь, кстати, нужно заметить, что не один Бердяев занял такую жесткую позицию по поводу разгона афонских монахов. В поддержку имяславия выступили «Кружок ищущих христианского просвещения», который возглавлял Михаил Новоселов, уже упомянутый нами, Павел Флоренский, Сергий Булгаков (священником он станет в 1918 году). Поэтому даже в этой ситуации Бердяева сложно назвать этаким «антицерковником». Он отстаивал свою частную позицию, хоть и делал это в довольно резкой форме. Стоит сказать, что сама история изгнания монахов-имяславцев из Афона была намного сложнее. Это не была операция против какого-то вольнодумства иноков — внутри стен скита назрели другие, более приземленные проблемы. Но об этом практически никто — Бердяев, видимо, точно — не знал.



Православный храм Трех святителей в Париже, прихожанином которого Бердяев был в 1931–1948 годах

Новый конфликт случился в 1935 году, когда Бердяев был уже в эмиграции. Тогда Заместитель Местоблюстителя Московского Патриаршего престола митрополит Сергий (Страгородский) и Карловацкий Архиерейский Собор (Русская Православная Церковь заграницей. — Ред.) осудили учение протоиерея Сергия Булгакова о Софии. В ответ на это Бердяев снова выступил в печати (в издаваемом им религиозно-философском журнале «Путь») с публикацией «Дух Великого Инквизитора», в которой философ обличил церковную иерархию. В гневном пылу он из этого конкретного случая сделал общие выводы относительно того, что все епископы всегда выступали против любого разномыслия и высказывания частных богословских позиций. При этом сам философ не был сторонником софиологии Булгакова, однако считал себя обязанным поддержать право отца Сергия на свободу богословского высказывания, вне зависимости от того, соответствует оно догматическим положениям христианства или нет.

Конечно, тут Бердяев погорячился. В текстах церковных документов было подробно разобрано учение отца Сергия, показано, в чем по отношению к церковному преданию он допустил ошибку. К тому же свобода и истина — явления не тождественные. Свобода может реализовывать себя как в истинном умозаключении, так и в ложном. Я могу быть свободным и свободно укорениться во лжи, и даже бравировать тем, что никто не может мне этого запретить, но от этого ложь не становится истиной. Вообще, в различного рода полемиках Бердяев был очень страстным, горячим спорщиком.

Бердяев в роли «дежурного»

— Какими проблемами Бердяев интересовался в эмиграционный период?

— В период между двумя мировыми войнами Бердяев выполнял роль своеобразного «дежурного», который откликался на самые разные

вызовы европейской и христианской культуре, предупреждая о надвигающихся угрозах и кризисах.

Так, например, он написал очень едкую рецензию на книгу «Религиозный путь русской мысли», автором которой была Юлия Николаевна Данзас — католическая монахиня, которая прошла десятилетнюю каторгу на Соловках и только чудом сумела выбраться из СССР во Францию. Ее работа была написана в совершенно чаадаевском вкусе — с постоянными упреками России, которая, по ее мнению, изначально пошла не тем путем, связав себя с православием и деспотизмом.

До этого, в 1927 году, происходит особенное для интеллектуальной Европы событие — в свет выходит книга Мартина Хайдеггера «Бытие и время». Это была очень глубокая, серьезная работа, связанная с духовным европейским кризисом, потерей религиозной основы жизни. Хайдеггер, который был атеистом, говорит о забвении бытия, потере истины, которую он пытается вернуть на путях внерелигиозной онтологии — учения о бытии. И снова Бердяев пишет критическую рецензию на эту книгу.

Я уже упоминал книгу «Новое Средневековье», которая в 1923 году принесла русскому философу европейскую известность. Она во многом пророческая. В ней он писал о крушении новоевропейского гуманизма и индивидуализма, кризисе идеалов Просвещения и надвигающемся новом типе культуры, где на первый план выходит коллективное, а ясные идеалы рациональности сменяются на магическую религиозность: с факельными шествиями на стадионах, воскрешением различных архаических религий, мистицизма и оккультизма, непреодоленного язычества и арианства, чем будет отличаться немецкий национализм.

И любимая бердяевская тема — в том числе его учение о духе — может быть прочитана как своеобразное предостережение от соблазнов той эпохи. Бердяев совершенно неожиданно предлагает рассматривать свободу укорененной не в воле (проблема свободы воли — одна из ключевых проблем философии), а в духе. Возникает вопрос: а каков этот дух? И оказывается, по мысли Бердяева, что дух совсем необязательно должен быть «Святым». Иногда свобода коренится в

том, что противоположно Святому Духу — в «духе злобы богопротивной».

Такой дух порождает темную, злую, разрушительную для человека и мира свободу. Не всякая духовность положительно влияет на личность. Есть и инфернальная (демоническая) духовность, основанная на культе смерти и разрушения. Она в конечном итоге приводит человека к гибели. Поэтому, считал философ, необходимо не терять способности различения духов, особенно когда мы сталкиваемся с творчеством писателя, поэта, художника или музыканта. Не всякое творчество стоит пропускать через себя. Нужно учиться различать его внутренние духовные корни.

Мыслитель реагировал не только на крупные события в европейской культуре, но и на ростки русской культуры в эмиграции. Ведь помимо профессоров, которые были высланы из России вместе с ним, вдали от Дома оказались еще и молодые, двадцатилетние люди. Они ничего не успели сделать в России и начинали свой творческий путь в русском Париже, русском Берлине, русском Белграде. Бердяев сумел открыть для широкого круга читателей одного талантливого представителя этого молодого поколения русской эмиграции — замечательного христианского писателя и поэта Бориса Юлиановича Поплавского, который прожил всего 35 лет и трагически погиб. Философ написал пронзительный текст, посвященный его дневникам, и так сумел привлечь общественное внимание к наследию этого русского поэта и писателя.

«Бердяев не ставил знака равенства между коммунизмом и православием»

— Если Бердяев так чутко реагировал на метаморфозы европейской культуры, то, наверное, и большевизму дал какие-то оценки…

— Действительно, в своих поздних книгах Бердяев попытался взглянуть на большевизм как на искаженный продукт русской идеи,

как на своеобразный русский «мессианизм» — извечное для русского сознания стремление к предельному, особую эсхатологию *(учение о конечных судьбах мира и человека. — Ред.)*, подменяющую Царство Божие земным царством коммунизма, Третий Рим — третьим Интернационалом. Для Бердяева большевизм — религиозный феномен и духовная болезнь, которая при этом сохранила в себе определенные русские интонации, особенности русского менталитета.

В пику модному сегодня тренду нужно сказать, что в своей книге «Истоки и смысл русского коммунизма» Бердяев не ставил знака равенства между коммунизмом и православием. Да, некоторые православные идеи в коммунизме присутствуют, но в искаженном виде. Большевики, например, полагали, что рай можно основать здесь, на земле. Они полагали, что этот масштабный проект можно осуществить при помощи новых экономических отношений.



Н. А. Бердяев среди участников съезда Русского студенческого христианского движения. Конец 1920-х годов

В православии же ценностные приоритеты выстроены совершенно по-другому. Сначала должны произойти изменения в духовной природе человека, а уже после этого может преобразиться форма его быта и существования, но речь идет не о Царстве Божием на земле.

В православии нет свойственного коммунизму экономического детерминизма. Христианин устремлен в жизнь вечную, к укоренению в Боге. Коммунист же стремится утвердить себя в бесконечности поколений, которые, как показывает история, чаемого коммунистами экономического благополучия так и не достигают. Заметим, что это взгляды человека, который прекрасно знал марксизм и русскую историю. Поэтому прочитать эту книгу Бердяева будет очень полезно. Важно попытаться вникнуть в его логику — логику бывшего марксиста.

— Есть ли у Бердяева идеи, которые можно было бы назвать актуальными для современной Церкви?

— Некоторые мысли русского философа действительно можно назвать востребованными сегодня. В частности, для тех, кто задумывается над феноменом православного братства как формой определенной духовной жизни общины. Мы ведь часто произносим слова «приходская община», имея в виду просто «прихожан» и «захожан», которые в храме появляются эпизодически, но при этом совершенно атомарны, то есть оторваны друг от друга. Да, они связаны Чашей, из которой приобщаются Тела и Крови Христовой. Но вот что они делают в остальное время, имеют ли какое-то общение друг с другом, мы не знаем.

Это, безусловно, большая проблема, и в связи с этим у многих сегодня возникает вопрос: какую роль играет или должна играть община и дружба в Церкви? И здесь некоторые бердяевские идеи особенным образом актуализируются.

Философ полагал, что между «сообществом» и «обществом» существует огромная разница. В обществе люди отчуждаются друг от друга, становятся социальными атомами. Помимо общих экономических и социальных интересов их больше ничего не связывает. А вот в «сообществе» все иначе. Здесь люди прекрасно друг

друга знают: они постоянно и помногу общаются, спешат на помощь, интенсивно взаимодействуют. Это совершенно другая форма общения — более тесная, даже домашняя. И Бердяев всегда очень болел именно о таком общении и считал, что реализация такой модели «сообщества» в церковной жизни необходима. Хотя сам философ — как бы парадоксально это ни звучало — был человеком очень одиноким, как он сам и признавался в «Самопознании».

«Иногда Бердяев выполнял функцию интеллектуального тарана»

— Что верующий человек, на Ваш взгляд, может почерпнуть из наследия Бердяева?

— В первую очередь — смелость его мысли. Это очень важно. Бердяев никогда не мыслил по шаблону. Он был, как сказал однажды Толстой о другом философе, «разбивателем стекол». При этом Бердяев не стеснялся корректировать или же вовсе менять свою точку зрения. Он умел признать свои ошибки. Смелость ему понадобилась и для того, чтобы проделать чрезвычайно напряженную и талантливую работу над анализом, разбором и критикой тех современных ему мировоззрений, которые были глубоко противны христианству.

Иногда Бердяев выполнял функцию интеллектуального «тарана». Так, в своей работе «Философия свободного духа» он раскритиковал различные формы оккультизма и псевдодуховной философии. Эти страницы остаются актуальными и для наших дней, ведь и сегодня люди часто предпочитают эзотерику и другие, прямо скажем, опасные формы духовной жизни традиционному христианству и церковности.

Наверное, Бердяев очень важен, интересен и полезен нам как критик модерна. Будучи свидетелем разнообразных бурлений в культурном пространстве первой половины XX века — перед его глазами зародились супрематизм, кубофутуризм, конструктивизм и т. д., — философ писал, что все это может привести к разрушению образа человека, его деконструкции. Он полагал, что современные ему художественные произведения демонстрируют, что человек теряет

свою человечность. Он как бы уходит из поля искусства, не находит в нем своего отражения. Мне кажется, глядя на состояние современного искусства, что эти опасения Бердяева остаются злободневными и сегодня.

Наконец, важнейшая тема бердяевской мысли — объективация — заслуживает особенного внимания. Дальним «родственником» объективации Бердяева является термин Карла Маркса «отчуждение», с помощью которого диагностируется оторванность человека от собственного продукта труда и от своей собственной человеческой природы. Объективация, по Бердяеву, порождает не просто социальную и экономическую несправедливость, но и является болезнью духа. Реальность распадается на две части — мир субъектов и объектов. Мир объектов воспринимается как нечто внешнее, постороннее и чуждое нам.

Для человека в таком объективированном мире чужим становится и область политики, и искусства, и образования, и социальности. Он перестает пропускать через себя работу, свое дело. Ничто его не увлекает. Любой труд кажется тяжелой каторгой. Все действия и поступки он совершает только ради получения дохода. Таково, по мнению Бердяева, состояние современного человека.

Объективация особенно опасна в религиозном мире, когда человек приходит в храм и воспринимает свою церковную жизнь как последовательность механических действий, которые он должен совершить, но которые никак не относятся к сущности его внутреннего мира, к его нравственному состоянию. Предмет религиозной веры для него — лишь объект, с которым он взаимодействует только на внешнем уровне, без глубокого погружения в церковную жизнь, в Богообщение.

Но, наверное, самое мощное ощущение, которое оставляет после себя философия Бердяева,— это высота человеческого призвания, о котором он постоянно пишет. Все наследие русского мыслителя пронизано единым торжественным призывом: человек свободен и он самим Богом уполномочен стать творцом, реализовать свое божественное призвание, упрочить свое достоинство. При этом Бердяев, постоянно вспоминая о Великом инквизиторе из романа «Братья Карамазовы» Достоевского, нас предостерегает: «Человек

легко отказывается от свободы во имя спокойствия и благополучия, он с трудом выносит непомерное бремя свободы и готов скинуть его и переложить на более сильные плечи».

— Что бы Вы порекомендовали читать в первую очередь из наследия Бердяева?

— Прежде всего — «Самопознание». Это его автобиографическая книга, в которой можно узнать не только о том, что пережил философ, но и каким был тот культурный пейзаж, на фоне которого он мыслил и существовал. Бердяеву же ведь очень повезло: как мы уже сказали, он был включен в культурный процесс Серебряного века, жил в Петербурге и Москве, общался с философом и поэтом-символистом Вячеславом Ивановым, бывал на его знаменитой «Башне» *(дом на пересечении Таврической и Тверской улиц, где устраивались «Ивановские среды» на которых бывали многие именитые деятели Серебряного века. — Ред.)*, участвовал в рукописном журнале «Бульвар и переулок». Интересно, что в рамках концепции этого журнала «бульвар» был символом культурного «мейнстрима», «ура-патриотизма» начала Первой мировой войны. А «переулок» символизировал какие-то потаенные уголки сознания, где роятся парадоксы, не утихла боль, где нет неизбывного, свойственного «бульвару» оптимизма. Бердяев в этом журнале выступал как раз в качестве философа «переулка». Есть в «Самопознании» глава, где он описывает и оценивает основные темы своей философии: одиночество, свобода, тоска.

Для людей, может быть, не особенно связанных с философией, конечно, стоит познакомиться с книгой «Русская идея». На ее страницах философ пишет, например, о женственности русской культуры, которая выражается в ее способ-ности уступать каким-то внешним влияниям и веяниям. Тем не менее совсем необязательно, что все те черты, которые Бердяев в этой книге приписывает русской культуре, ей присущи в действительности. Быть может, скорее через них проступает портрет самого Бердяева, чем собственно русской культуры.

Затем я бы очень советовал прочитать работы, написанные философом в первые постреволюционные годы. Незадолго до высылки Бердяев пишет «Философию неравенства» и «Новое Средневековье». Это был совершенно особый период истории, время безденежное, в каком-то смысле бесперспективное, когда, по воспоминаниям Бердяева, в его квартире в Большом Власьевском переулке на Арбате собиралось много гостей, а предложить им, кроме пустого чая и, может быть, морковных котлет, было нечего. Однако, несмотря на внешнюю нищету, люди просто кипели различными идеями, проектами, грандиозными планами.

Кроме того, я бы очень советовал прочитать книгу «Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли» и прежде всего потому, что это удивительный портрет прекрасного русского человека — очень яркого, сложного, которого одни считают самым православным среди русских философов, а другие, наоборот, — самым неправославным.

Более ранняя книга, которая была написана Бердяевым еще до революции и вышла в издательстве «Путь», — «Алексей Степанович Хомяков». Это великолепная биография патриарха русского славянофильства, написанная с какой-то неизбывной симпатией к Хомякову, этому даровитому помещику, собачнику, гомеопату, изобретателю сеялки, специалисту по рыбалке, богослову, историку, философу, поэту. В этой работе с наибольшей силой ощущается тоска Бердяева по той органике русской культуры, которую его время уже утратило.

Но в то же время надо помнить, что Бердяев — это философ, и философ со своеобразной формой мышления. Такие работы, как «Философия свободы» или «Я и мир объектов», «Философия свободного духа», представляют собой жемчужины бердяевского творчества. Стиль изложения Бердяева публицистичен. Он часто ходит по кругу, возвращается к одним и тем же идеям. Иногда даже повторяется. Он пишет порой как будто в самоупоении, в творческом экстазе. Бывает, это производит впечатление какой-то праздности, даже пустоты — будто человеку нечего сказать. Но это не так. На самом деле за каждым бердяевским повторением мысли есть определенный

смысл, своя глубина, к которой нужно прислушаться, помня о том, что Бердяев очень разный. К каким-то идеям философа верующему человеку стоит относиться настороженно, но большая часть его наследия может приоткрыть совершенно новые глубины, значимость которых сложно переоценить.

Беседовал Тихон Сысоев

Тайны Заволочья

Как устроен Русский Север



Земля у воды

Когда-то давным-давно земли между Онежским озером, Белым озером и рекой Шексной называли Заволочьем. Почему? Большую часть дороги можно было добраться по рекам. Но не везде. Часть пути суда приходилось проволакивать по суше, перетаскивать от одной воды до другой. Вот от «волоков» и пошло название — Заволочье.

Южный берег Белого моря от Онеги до Кеми называли Поморье. Почему? Потому что с севера он граничит со студеным Белым морем и с самим великим Северным Ледовитым океаном.

Отыскать Русский Север на карте нетрудно. Ищите воду: реки Северная Двина, Онега, Мезень, Печора, Ладожское озеро, Белое озеро, Ильмень-озеро и много-много маленьких речушек и озер. Вот вся земля вместе с этой водой и многими еще речками, озерцами, болотами и есть Русский Север. Необыкновенно красивые и самые холодные края Европы — Вологодская, Архангельская, Мурманская

области, республики Карелия и Коми. Раньше сюда относились еще Вятская земля и Пермский край. Города здесь древние и сказочные — Каргополь, Белозерск, Пошехонье, Великий Устюг, Тотьма, Сольвычегодск… Если не были, непременно побывайте! Это уникальное по истории, культуре, по сохранности древних традиций место России.

Соль, смола, мусковит и жемчуг

Чем жили и живут люди на Русском Севере? Чем кормились? Как зарабатывали? Во многом все так же, как и в других регионах России. Крестьяне вели хозяйство, пасли скот. Вдоль северных рек раскинулись широкие заливные луга с сочной травой, вкуснее которой для коров не найти. Недаром необыкновенное вологодское молоко ценят и любят во всей России.

Лето здесь такое короткое, что многие сельскохозяйственные культуры не успевают вырасти и созреть. И все-таки на Русском Севере испокон века сеяли, сажали и собирали урожай. Эти земли — регион самого северного в мире земледелия. В основном здесь растили рожь и лен.

В устьях небольших северных рек добывали жемчуг. Жемчужные ожерелья, серьги, расшитая северным жемчугом одежда, церковная утварь с жемчужными узорами на Руси были широко распространены. Мелким жемчугом украшали пуговицы, булавки, кольца. Крупный речной жемчуг продавали поштучно, мелкий — на вес.

Северяне охотились, рыбачили, ткали и пряли, лепили из глины, ковали железо, отливали оружейные замки, колокола и пушки — в общем, всё, как везде на Руси. Но были и особенные занятия, которыми славились именно жители Поморья.

С давних пор на севере развивался пушной промысел. Археологи нашли в Великом Новгороде деревянные ящики, в которые еще в IX–XIII века складывались меха. На ящиках были вырезаны названия «Пинега», «Усть-Вага» и «Тихменьга» — имена известных северных рек. В берестяных грамотах упоминаются песцы, мех которых должен был поступить с Севера в Новгород.

Славились морскими промыслами поморы: ловили треску, сельдь, били морского зверя — моржовая кость и моржовый жир прежде очень ценились.

Во все времена привлекало Поморье своей солью. На севере много соляных источников — ключей. На солеварении разбогатели и процветали северные города Тотьма, Сольвычегодск, Ненокса. Московское государство снабжали солью солевары Двинской земли и

Вологодского края. А уж жители побережья и островов Белого моря солеварение почитали одним из главных своих промыслов: Соловецкий монастырь, который поставлял соль во все края России, имел около 50 соляных варниц. На них работало до 800 постоянных и около 300 временных работников!

Важным для всей России северным промыслом было смолокурение. Нет, никто ничего не курил! Смолу добывали — выкуривали — из хвойных деревьев. Смола нужна была для смазки обуви, колес, дверей, использовалась при постройке кораблей и лодок, для обработки кож.

Стекла в древности были большой редкостью и великой ценностью. Вместо стекла в окна храмов и богатых домов вставляли слюду. Русская слюда, которую добывали в том числе и на Севере, считалась лучшей в мире. В Западной Европе она называлась «мусковит». Ее много привозили в Европу из России в допетровские времена.



Береженого Бог бережет

Как люди, которые приходили на земли Русского Севера в стародавние времена, выбирали место, где поселиться? Почему именно такие строили дома? Здесь нет ничего случайного! Все делалось таким образом, чтобы легче было выжить в непростых условиях, в холодном климате.

Говорят, прямых дорог на Русском Севере нет. Но раньше и кривых почти не было — уж очень много здесь болот, по суше дорогу просто

не проложишь. А дороги нужны, потому что в одиночку не выжить, должна быть возможность добраться хотя бы до соседей. Дорогами становились реки. Летом по ним передвигались на лодках и кораблях, а зимой по льду ездили на санях. Поэтому все жилье на Русском Севере «бережется», то есть жмется к берегам.

Деревню, село строили, как правило, у небольшой реки. Почему у небольшой? По полноводной, широкой реке могут прийти большие корабли, и не обязательно на них прибудут добрые люди. А обороняться от неприятеля жителям маленькой деревушки сложно. Город — другое дело. Город хорошо встанет и на слиянии двух полноводных рек, и на излучине, и на впадении реки в море. По большой воде горожанам было удобно подвозить товары, купцам — торговать. А чтобы от врагов можно было защититься, нужно просто правильно выбрать берег для строительства города. На низком берегу строить опасно — паводок может смыть строения, да и неприятель подкрадется — не заметишь. А с высокого — другое дело: все на виду, издали врага заприметишь, успеешь подготовиться.



Деревня Кимжа Мезенского района Архангельской области. Фото Сергея Гармашова

Почему деревянные дома, храмы, амбары, мосты, крепости Русского Севера так здорово друг с другом сочетаются? Почему смотрятся как

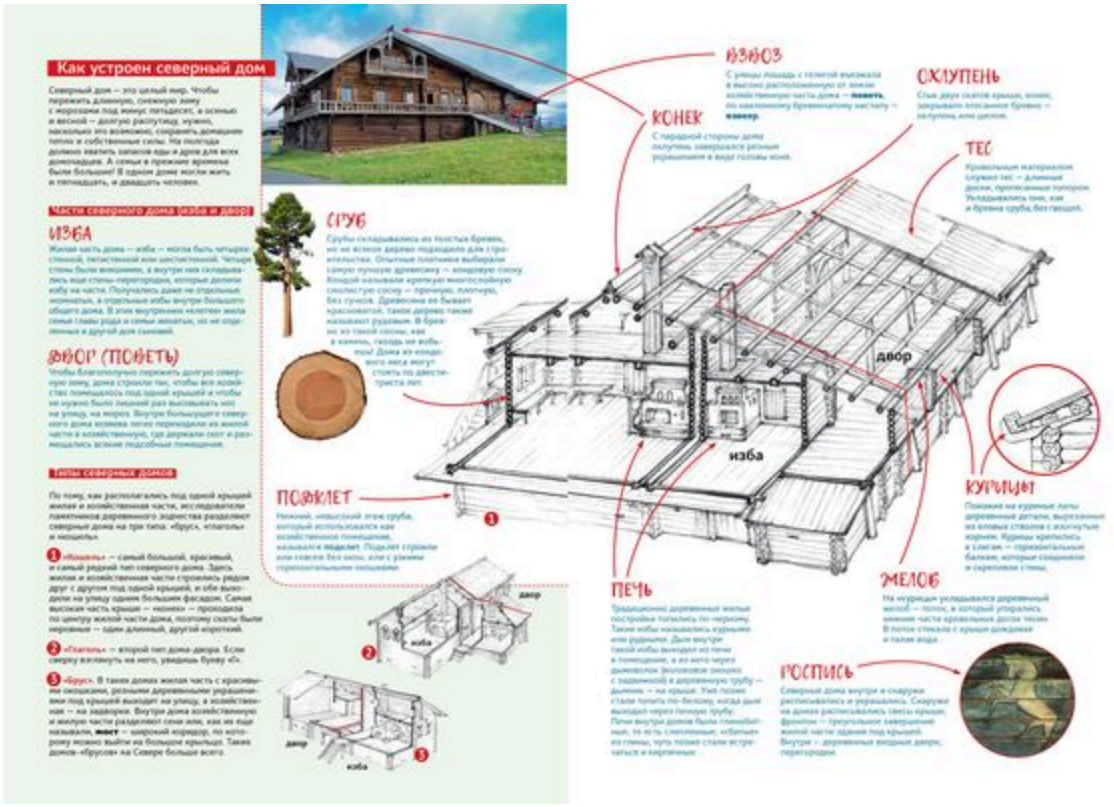
единое целое? Ведь каждый дом, каждый храм не похож на другой. Секрет в том, что мастера, хранившие и передававшие через поколения древние традиции северного деревянного зодчества, по одному и тому же принципу выбирали и обрабатывали деревья для строительства, использовали одинаковые приемы: «распускали» бревна на доски (раскалывали вдоль волокон топором, а потом протесывали), вырезали детали, изготавливали узлы и конструкции.

Главная улица северного поселения была обращена к реке. Историческую планировку так и называют: уличная и прибрежно-рядовая. Дома ставили в ряд и были эти дома огромными! На юге таких не встретишь.

На главном, высоком месте села, часто — в его центре, возводили храм. Его обязательно делали выше всех домов. Храм был самым красивым, ярким и величественным зданием в поселении.

Подальше от домов строили рухлядные амбары, в которых хранили самое ценное добро («рухлядью» раньше называли полезные в быту вещи — мебель, посуду, орудия труда, инструменты, рыболовные снасти, предметы быта). Почему амбары — не рядом с домом? Потому что строения в селах и деревнях были деревянными, а дерево, как известно, хорошо горит. Даже если, не дай Бог, случится в доме пожар, в амбаре часть вещей сохранится.

У реки еще ставили бани, чтобы воду далеко не носить. Через речки перебрасывали деревянные мосты и здесь же, на речках и ручьях, нередко строили мельницы.



Кусты и погосты

Все слышали, чем село отличается от деревни. Если в поселении церкви нет — это деревня. Если церковь есть — село. У церкви был свой приход. Приход — это люди, которые жили в округе и приходили в храм на церковные службы. Церковь объединяла местных жителей: вокруг села, где стояла одна или сразу несколько церквей, где образовывался погост, возникал целый куст деревень.

Погостом вообще-то принято называть кладбище. Но на Русском Севере погост был центром крестьянского мира. На нем собирались подати, велась торговля с купцами — «гостями», отсюда и «по-гост». Здесь крестили детей, праздновали свадьбы и отпевали умерших. На погосте, иногда прямо в просторной трапезной храма, которая зимой отапливалась, решались главные дела крестьянской общины. У понятия «погост» было и еще одно значение. Так называли место, где стоял «тройник» — архитектурный ансамбль, в который входит

зимний храм, летний храм и колокольня. Таких «тройников» на Русском Севере было очень много!

Каждый куст деревень имел свое название. На карте это название не всегда можно было отыскать. Вот говорили, например: церковь Рождества Христова в Большой Шалге. Что за Большая Шалга? Нет такой деревни, нет такого села. Церковь стоит в селе Казаково. От всего куста оно одно и осталось. А местные жители все равно до сих пор говорят: «в Большой Шалге», потому что так назывался куст деревень.



Церковь Вознесения Господня в д. Пияла Архангельской области. Фото lori.ru

Высоко и красиво

Деревянные храмы — самое прекрасное из всего, что есть в зодчестве Русского Севера.

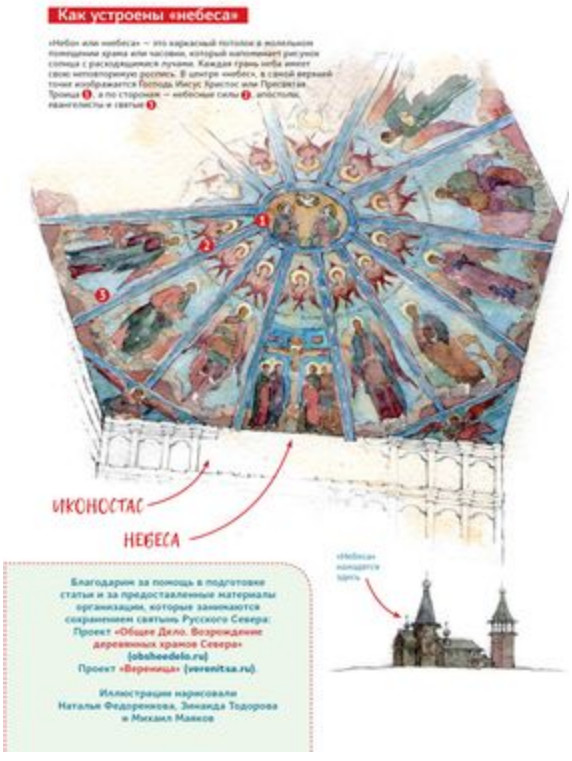
Церкви на Русском Севере часто ставили на местах древних языческих святилищ. Почему? Потому что люди в древности, поклоняясь

могущественным природным силам, выбирали для идолов, которые эти силы изображали, самые красивые, самые высокие места. С приходом на Север христианства здесь поднялись Божии храмы.

Если новое село отстраивали уже христиане, храм тоже старались поставить на возвышении, так, чтобы его издали было видно и пешему, и конному, и тому, кто по реке, по озеру, по морю проплывает мимо села. Как говорят ученые, церковь становилась главной архитектурной доминантой, то есть главным строением северорусского поселения.

В городах церквей было много. А в центре города, в кремле или в крепости, возвышался самый главный городской собор.

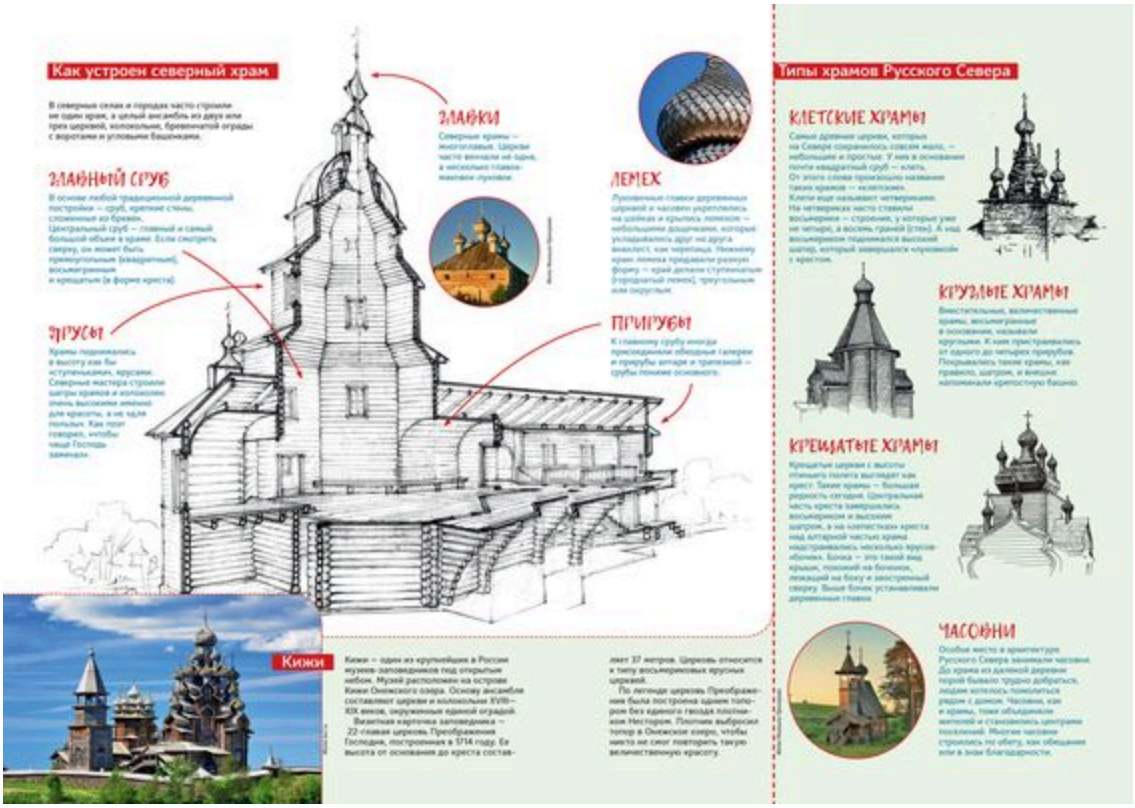
Храмы Русского Севера особо славятся «небесами» — так называют расписные потолки. Особенно много живописных «небес» было в церквях Кенозерья и Поонежья.



Дерево или камень

Правда ли, что все церкви на Русском Севере деревянные? Нет, неправда, не все. Кто побогаче, мог позволить себе построить и каменный храм. В Вологодской области, в Каргополе, по берегам Онеги и Северной Двины стоит немало каменных храмов. А вот на Мезени и Пинеге храмы действительно в основном из дерева.

Чтобы построить церковь, крестьянской общине нужны были деньги не только на строительство, но и на содержание храма и священника. Не у всех такие средства были. Строили, что могли. Благо леса вокруг было много, недостатка в стройматериале не испытывали.



* * *

Деревянных построек, старинных деревянных храмов на Русском Севере сохранилось немного. Дереву сложнее сохраниться, чем камню. Есть прекрасные храмы, которым сейчас нужна помощь, реставрация, пока они совсем не разрушились. Организуются отряды помощников реставраторам, волонтеров, которые выезжают в эти

прекрасные места, в северные деревни и села и делают что могут, чтобы сохранить уникальные творения старых мастеров, святыни России.

Наталья Харпалева

Подари «Фому»!

Хочешь помочь неимущим получать «Фому»?

Многодетные семьи, одинокие старики, тяжелобольные люди и сельские приходы не всегда могут позволить себе подписку на наш журнал. Мы получаем много писем с просьбами помочь им в этом и всегда тщательно проверяем каждое обращение.



Помогите нам сделать «Фому» доступным для всех.

Пожертвовать на благотворительную подписку можно:

1) с помощью денежного перевода на эти реквизиты:

Получатель: Фонд «Фома Центр»
Расчетный счет: 40703810900000010572
в АКБ «РосЕвробанк» (АО) г. Москва
БИК: 044525856 к/с: 30101810445250000856
Назначение платежа:
«Пожертвование на Благотворительную подписку»

2) на сайте «Фомы» в разделе «Подписка»

найдите пункт «Благотворительная подписка» и нажмите на кнопку «Помочь»

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

«Фома» — православный журнал для сомневающихся — был основан в 1996 году и прошел путь от черно-белого альманаха до ежемесячного культурно-просветительского издания. Наша основная миссия — рассказ о православной вере и Церкви в жизни современного человека и общества. Мы стремимся обращаться лично к каждому читателю и быть интересными разным людям независимо от их религиозных, политических и иных взглядов.

«Фома» не является официальным изданием Русской Православной Церкви.

В тоже время мы активно сотрудничаем с представителями духовенства и различными церковными структурами. Журналу присвоен гриф «Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви».

Если Вам понравилась эта книга — поддержите нас!